

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Псковский государственный университет
Институт США и Канады Российской академии наук
Псковское региональное отделение
Российского Общества интеллектуальной истории
Псковское региональное отделение
Восточного археологического общества

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ

Научный альманах

Выпуск 21

Псков
Псковский государственный университет
2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Гарбузов В. Н.**, директор Института США и Канады РАН (председатель) (Россия);
- Алиева Л. В.**, директор Института гуманитарных наук и языковых коммуникаций Псковского государственного университета (Россия)
- Габелко О. Л.**, профессор кафедры истории Древнего мира Российского государственного гуманитарного университета (Россия);
- Кащенко С. Г.**, заведующий кафедрой источниковедения Санкт-Петербургского государственного университета (Россия);
- Мухамедов Ш. Б.**, заместитель директора Института истории Академии наук Республики Узбекистан (Узбекистан);
- Никонов В. П.**, старший научный сотрудник Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа Института истории материальной культуры РАН (Россия);
- Ольбрыхт М. Я.**, заведующий кафедрой древней истории и востоковедения Жешувского университета (Польша);
- Портных В. Л.**, заведующий лабораторией истории Древнего мира и Средних веков Новосибирского государственного университета (Россия);
- Федосик В. А.**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Белорусского государственного университета (Белоруссия, Минск, Белорусский государственный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Михеев Д. В.**, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета (главный редактор) (Россия);
- Дмитриев В. А.**, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета (заместитель главного редактора) (Россия);
- Ермаченко И. О.**, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Россия);
- Колпаков М. Ю.**, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета (Россия);
- Райкова В. А.**, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Россия).
- Цаканян Р. А.**, научный сотрудник Института востоковедения Национальной Академии наук Республики Армения (Армения);
- Чой Доккю**, научный сотрудник Фонда изучения истории Северо-Восточной Азии (Республика Корея).

Альманах основан в 1997 г. Идея издания: В. Н. Гарбузов, А. В. Юрасов

Альманах индексируется в базах данных: «**Российский индекс научного цитирования**» (РИНЦ); «**The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences**» (ERIH PLUS); «**Database for statistikk om høgre utdanning**» (DBH); «**Index Copernicus Journals Master List**» (IC JML); **InfoBase Index** (IBI).

Издатель: Псковский государственный университет
(180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, д. 2) (www.pskgu.ru).

Сайт альманаха: <https://sites.google.com/site/metamorphoseshistory/home>
Статьи в альманахе публикуются под лицензией Creative Commons «Атрибуция
Некоммерческое использование 4.0 Всемирная» (CC BY-NC 4.0).

The Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

Pskov State University

The Russian Academy of Sciences
Institute for US and Canadian Studies

Pskov Regional Branch of the Russian Society of
Intellectual History

Pskov Regional Branch of the
Oriental Archaeological Society

METAMORPHOSES of HISTORY

Scientific Almanac

Issue 21

Pskov
Pskov State University
2021

EDITORIAL COUNCIL:

Valery N. Garbuzov, Director of Institute for US and Canadian Studies of the Russian Academy of Sciences (chairman) (Russia);

Lyudmila V. Alieva, Director of Institute of Humanities and Language Communications of Pskov State University (Russia)

Oleg L. Gabelko, Professor of Russian State University for the Humanities (Russia)

Sergey G. Kaschenko, Professor of Saint-Petersburg State University (Russia);

Shuhrat B. Mukhamedov, Vice-Director of Institute of History of Academy of Sciences of Uzbekistan (Uzbekistan);

Valery P. Nikonorov, Senior Researcher of Institute for History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Russia);

Marek J. Olbrycht, Professor of University of Rzeszow (Poland);

Valentin L. Portnykh, Head of the Laboratory of Ancient and Medieval History of Novosibirsk State University (Russia);

Viktor A. Fedosik, Head of the Ancient and Medieval History Department of Belarusian State University (Belarus).

EDITORIAL BOARD:

Dmitry V. Mikheev, Associate Professor of Pskov State University (editor-in-chief) (Russia);

Vladimir A. Dmitriev, Associate Professor of Pskov State University (Russia) (managing editor);

Igor O. Ermachenko, Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia);

Maxim Yu. Kolpakov, Associate Professor of Pskov State University (Russia);

Vera A. Raikova, Associate Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia);

Ruslan A. Tsakanyan, Researcher in the Institute for Oriental Studies of National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Armenia);

Choi Deokkyu, Researcher in the Northeast Asian History Foundation (Republic of Korea).

The almanac was founded in 1997.

The idea of the almanac: Valery N. Garbuzov, Andrey V. Yurasov.

The almanac is indexed in databases:

“**The European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences**” (ERIH PLUS); “**Database for statistikk om høgre utdanning**” (DBH); “**Russian Index of Science Citation**” (RISC); “**Index Copernicus Journal Master List**” (IC JML); **InfoBase Index** (IBI).

Publisher: Pskov State University

(180000, Lenin Square, 2, Pskov, Russia) (www.pskgu.ru).

Almanac's website:

<https://sites.google.com/site/metamorphoseshistoryen/home>

Papers are published under Creative Commons License
“Attribution – NonCommercial 4.0 International” (CC BY-NC 4.0).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Десяткина Н. И.* Петрарка о войне, мире, службе:
этическая и символическая составляющие
(по диалогу «О Воинском достоинстве») 7

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

- Власов А. Д.* Арчибальд Форбс и победа
при Улунди (1879 г.): к размышлению о культурно-
символических аспектах британского имперского
менталитета 18
- Пушкаренко Е. А., Янушевич И. И.*
Пропаганда как основной инструмент немецкой
оккупационной политики Вильгельма Кубе
на территории генерального округа Беларусь..... 29

РОССИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

- Левина Ж. Е.* Христианская основа символики войны
в отечественной культуре первой половины XX века 45
- Цыкалов Д. Е.* Символы мужского и женского
в публицистике В. Ф. Эрн периода Первой мировой
войны 52
- Гребенкин А. Н.* Символы и ритуалы в жизни российской
военной школы в годы Гражданской войны и
эмигрантского рассеяния 62
- Михалёв А. В.* Партизан как символ Дальнего Востока
России 75

- СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 87

- ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 88

CONTENTS

MEDIEVAL & EARLY MODERN HISTORY

- Nina DEVYATAYKINA.* Petrarch 's Ideas about War, Peace,
Military Craft: Ethical and Symbolic Components
(On the Dialogue "On military dignity")7

MODERN & CONTEMPORARY HISTORY

- Aleksei VLASOV.* Archibald Forbes and the Victory
at Ulundi (1879): to reflect on the Cultural and
Symbolic aspects of the British Imperial Mentality 18
- Elena Pushkarenko, Ivan Yanushevich.* Propaganda as the
Main Tool of the German Occupation Policy
of Wilhelm Kube on the Territory of the General District
of Belarus29

RUSSIA IN THE WORLD HISTORY

- Zhanna LEVINA.* The Christian Basis of the Symbolism
of War in the National Culture of the First Half
of the XX Century 45
- Dmitry TSYKALOV.* Male and Female Symbols
in the Publicism of V. F. Ern During the First World War ...52
- Alexey GREBENKIN.* Symbols and rituals in the life
of the Russian military school during the Civil War
and emigrant dispersion 62
- Alexey MIKHALEV.* Partisan as a Symbol of Russian
Far East75

- ABBREVIATIONS87

- GUIDELINES FOR CONTRIBUTORS88

ИСТОРИЯ СРЕДНИХ ВЕКОВ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(450).05

Девятайкина Н. И.

ПЕТРАРКА О ВОЙНЕ, МИРЕ, СЛУЖБЕ: ЭТИЧЕСКАЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ (ПО ДИАЛОГУ «О ВОИНСКОМ ДОСТОИНСТВЕ»)*

В статье исследуются диалоги трактата итальянского гуманиста и поэта Франческо Петрарки (1304–1374) «О средствах против превратностей судьбы». Они позволяют выявить, как в повседневных практиках XIV в. общество воспринимало войны, воинское ремесло. Также речь идет об этических оценках и символических репрезентациях военных событий. Автор показывает новизну гуманистической позиции Петрарки в отношении к воинскому ремеслу, войне, миру.

Ключевые слова: Петрарка, трактат «О средствах против превратностей судьбы», тема войны и мира, итальянский гуманизм, символика войн и побед, этические ценности культуры Возрождения.

Итальянский гуманист и поэт Франческо Петрарка (1304–1374) обращался к теме войны и мира на протяжении всего творчества — в своих итальянских канцонах, многих письмах, латинских сочинениях разного жанра, от исторических до полемических (инвективных) текстов и этико-дидактических диалогов.

Долгое время его латинские тексты были на периферии внимания ученых, а темы войны и мира рассматривались только через политические канцоны. Первого гуманиста всегда считали зачинателем новой ренессансной гуманисти-

* Статья публикуется по материалам доклада, прочитанного на конференции «Символическое измерение военных и политических конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация)» (Пятое международные научные чтения «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии»), 14-15 декабря 2021 г., Санкт-Петербург.

ческой этики, однако еще совсем недавно при определении путей развития ренессансной идеологии относили к направлению «индивидуализирующего гуманизма», не ставили вопроса о его общественно-политической позиции. В России более взвешенную современную общую оценку представил в энциклопедии «Культура Возрождения» М. Л. Андреев, но он в специальное рассмотрение этих сюжетов не входил¹.

В Италии с новых позиций к этим вопросам системно обратился У. Дотти (1933–2017), известный историк литературы. Он масштабно развернул за сорок пять лет активного научного творчества дело перевода политических и полемических латинских сочинений Петрарки, а также их всестороннего исследования в контексте италийской и европейской в целом жизни. Это позволило показать гуманиста как граждански активного поэта, мыслителя уже в монографии «Жизнь Петрарки» (1987), существенно обновляемой с каждым изданием все новыми свидетельствами общественной активности гуманиста². У. Дотти успел сделать новый перевод и интересующего нас огромного трактата, но детально его диалогов не анализировал, и всесторонне интересующую нас тему на их материале не обрисовывал³.

Рассмотрение темы, обозначенной в названии статьи, позволяет углубить и обогатить представление о политических и ценностных ориентирах Петрарки, внести существенные коррективы в теорию «индивидуализирующего гуманизма», а главное, выявить, как в повседневных практиках воспринимались войны, воинское ремесло, этические их составляющие и символические репрезентации, как они выглядели в глазах первых гуманистов-интеллектуалов.

В центре внимания статьи *один* из диалогов трактата «О средствах против превратностей судьбы» (1354–1366)⁴; пять лет назад, в 2016 г. впервые полностью переведенного и на русский язык. Даты создания показывают, что сочинение на-

¹ Андреев М. Л. Петрарка // Культура Возрождения: Энциклопедия. М., 2011. Т. 2. Кн. 1. С. 535–539.

² Dotti U. Vita di Petrarca: il poeta, lo storico, l'umanista. Torino, 2014.

³ Petrarca Fr. I rimedi per una e l'altra sorte / tradizione e note a cura di U. Dotti. Torino, 2013. Voll. 1–4.

⁴ Petrarca Fr. De militari dignitate. I, 48 // I rimedi per una e l'altra sorte / tradizione e note a cura di U. Dotti. P. 413–417.

писано в зрелый период творчества, а его 254 диалога (более 600 с. современного плотного типографского текста), что перед нами самый объемный труд гуманиста, трактующий многие десятки вопросов⁵. Тема воинского ремесла, мира, войны, вражды между городами-государствами поднимается в значительном ряде диалогов первой и второй книг, на которые разделен трактат (I, 48, 97–106; II, 70–74). Их число показывает, что вопрос волновал гуманиста, был актуален для времени. В диалогах беседуют аллегорические персонажи — Радость и Разум (первая книга), Печаль и Разум (вторая), как бы располагая всю жизнь человека между этими эмоциональными состояниями — «поясами». Они оцениваются Разумом с позиций рассудка, опыта, знания, культуры, статусности, повседневности.

Диалог как жанр в трактате едва намечен, скорее для принятого по традиции удобства чтения. Радость и Печаль от лица самых разных персон и персонажей, начиная с могущественных вершителей судеб европейского мира (папы, императоры) и завершая скромными простолюдинами и учениками — произносят короткие, иногда чуть разворачивающиеся на протяжении беседы, фразы. В интересующих нас «военных» диалогах это правители, предводители военных отрядов и армий, воины-рыцари.

Разум, «лицо» которого социально не поддается точному определению, а культурно, интеллектуально, нравственно выдает гуманистически образованную личность, не меняется, отвечает и Радости, и Печали развернуто, красноречиво, аргументировано. Ответы на слова Радости звучат более напористо и критически, даже инвективно, Печали — более сдержанно и сочувственно. За Разум явно стоит сам автор. И он в любом разговоре, как показывают развернутые ответы-рассуждения, с самого начала убежден в правоте своей позиции, отсюда — еще одно объяснение формальности диалога. Однако едва ли найдется 5–10 текстов в трактате, которые приводят разговор к *общему* заключению: каждый из участников остается до конца при своем мнении, разве что последнее слово — всегда за Разумом. Такое построение диалогов говорит о важности, остроте поднятых тем, очень разных настроениях в обществе,

⁵ *Петрарка Фр.* О средствах против превратностей судьбы / Пер. с лат., коммент. Л. М. Лукьяновой; вступ. ст. Н. И. Девятайкиной. Саратов, 2016.

как увидим, и разных ценностных ориентирах. Конечно, оно свидетельствует также о «непривычности» в тогдашней «картине мира» позиции автора, его стремлении помочь читателю взглянуть на традиционные ситуации и жизненные ориентиры по-новому, задуматься над ними.

Обратимся к интересующему нас диалогу первой книги – «О воинском достоинстве» (*De militari dignitate*, I, 48). Попробуем выявить, каким гуманисту представляется военное ремесло и какими – служащие современных ему армий, т.е. к выяснению «антропологической составляющей» военной картины того времени, в том числе – в ее этических и символических красках.

Диалог «О воинском достоинстве» (переводчик достаточно точно с точки зрения содержания перевела название как «О воинской службе») ⁶ вынесен в первую половину первой книги трактата. Он помещен среди текстов, где обсуждаются разные занятия (писательство, учительство, научный труд, гражданская служба при правителях или правительствах). В их ряд включено и военное ремесло. Тема находит продолжение во второй части этой же книги, там ей посвящен, как отмечалось, целый цикл, более десятка текстов.

Текст диалога невелик по объему, пока никем, насколько можно судить, не анализировался, но при этом позволяет выявить «портрет» воина, рисуемый автором трактата и представляемый читателю как «самопортрет» персонажа, поскольку тот делает по-военному краткие признания и заявления от первого лица. В данном случае разговор идет между Радостью-военным человеком и Разумом. Во всех диалогах разговоры ведут представители мужского пола, независимо от грамматического рода их аллегорических имен.

В уста Радости («Радостного») автор вкладывает семь коротких реплик. Приведем их: Я украшен воинской перевязью; Я объявляю своим занятием воинскую службу; Я приписан к воинской службе; Я и сына записал в военную службу; Я прославленный победами предводитель на войне; Я инициатор многих войн; Я известен победами и триумфами.

⁶ *Петрарка Фр.* О воинской службе // *Петрарка Ф.* О средствах против превратностей судьбы / Пер. с лат. Л. М. Лукьяновой, вступ. статья Н. И. Девятайкиной. Саратов, 2016. С. 142-144.

Как ясно, в данном случае собеседник Разума олицетворяет крупную военную фигуру, из числа тех, кто решал вопросы мира и войны на полуострове. В реалиях Италии XIV в. за персонажем мог стоять кондотьер, глава большого отряда, а то и армии, из числа постоянно приглашаемых на службу городами-государствами, папами, правителями разных рангов. Нередко и сами правители совмещали военное предводительство и управление большими или малыми итальянскими государствами, синьориями, тираниями, герцогствами и графствами. Среди таких деятелей для примера можно указать на правителя Пармы в 1340-е гг. Аццо Корреджо⁷. Ему, другу со студенческих лет, представителю старинной аристократической семьи, Петрарка посвятил интересующий нас трактат, а о его переменчивой судьбе — от власти до изгнания — как игре фортуны довольно пространно рассказал в предисловии, хотя и не упомянул о его уходе из жизни в 1362 г.

«Приписка» — скорей всего, официально оформленная городскими властями служба в ополчении («милиции») или договор (кондотта). Такие договора заключались на разные строки, нередко — на длительные, порою — пожизненно. Как ясно из слов персонажа, он и по поводу сына озаботился подобным договором. У. Дотти трактует его как свидетельство городской военной службы⁸.

Напомним, что крупные кондотьеры — это чаще всего представители знати, баронства (вроде Аццо Корреджо), старого или нового дворянства, слой которого в итальянских городах-государствах был весьма велик. Военная служба в виду непрерывного соперничества городов-государств (Милан – Венеция, Флоренция – Милан, Венеция – Генуя и т.д.), историей которого полны хроники и ученые труды, была очень востребована, профессиональные военные в чести⁹. Порою, еще раз подчеркнем, сами синьоры городов-государств (миланские Висконти др.) становились во главе войск. Их численность была разной, от 500 до 1500 или больше конников. Кстати, Флоренция нанимала для борьбы против Висконти

⁷ *Montecchi G. Azzo da Correggio // Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1983. Vol. 29. P. 425.*

⁸ *Petrarca Fr. I rimedi per una e l'altra sorte ... P. 414.*

⁹ *Всеобщая история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / Под ред. А. О. Чубарьяна. М., 2011. С. 523–526, 734–735.*

кондотьеров на долгих пять лет, что обошлось ей, по данным хроник, в баснословную по тем временам сумму в 3,5 млн флоринов (пехотинец получал жалование в 2–3 флорина в месяц, конник – 7–11).

За короткими фразами Радости вырастают реалии очень непростого с точки зрения мира и войны времени, общественного и политического напряжения. Посмотрим, как это отразилось в диалоге. Заявления Радости, как ясно из приведенных выше реплик-цитат, начинаются и заканчиваются упоминаниями о военных символах и символических действиях. Первыми словами становится его горделивое заявление об украшенности «воинской перевязью», а завершающими – об известности победами и триумфами. Оба символа с римских времен дожили до века Петрарки (и надолго пережили его): живопись второй половины XIV в. и еще больше – двух следующих с их светскими станковыми работами и фресками представляет многие десятки персонажей-воинов с богатыми золочеными перевязями, на которых висят мечи. Нередки и статуи кондотьеров, особенно на усыпальницах, но есть и в виде конных статуй, поставленных на центральных площадях городов, напротив главных соборов. Все, как одна, с перевязью.

Частым событием в городах, нашедшим отображение в искусстве, были и триумфы. Мы можем видеть богато украшенные колесницы-кароццо, запряженные белыми конями, на платформах которых в торжественных креслах восседают победители в полном вооружении, часто – с копьём в руках, мечом на перевязи, а ниже, по краям, размещены фигуры, олицетворяющие воинские и гражданские доблести. Разработки сценариев триумфов нередко поручали придворным художникам, гуманистам. Победы, заключение мира отмечались также турнирами, воинскими играми¹⁰. Наконец, оружие торжественно украшало кабинеты (студиоло) ренессансных знатных персон, соединяя образы войны, науки и искусства¹¹. Иными словами, символические знаки войны и побед оставались в самом высоком и почетном ряду, долгая традиция

¹⁰ *Гуковский М. А.* Турниры в Италии на исходе средних веков // Средневековый быт. Л., 1925. С. 50–77.

¹¹ *Махо О. Г.* Образ войны и науки в интарсиях урбинского студиоло Федерико да Монтефельтро // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2015. №2 (37). С. 154–161.

лишь приумножала их статусную значимость, поднятую до сакральности.

Вернемся к диалогу. Заявления Радости свидетельствуют, что интересы и ценности значительной части дворянства оставались во времена Петрарки традиционными. В их числе — реализация себя в военных занятиях, стремление к участию в войнах и сражениях, осадах и взятии крепостей, замков, городов, жажда побед и триумфов. Известно, что военной верухшке доставались и немалые плоды побед.

Но Петрарка-автор в диалогах никогда не обращается к узкому кругу лиц. И в данном случае перед его глазами не только городские «капитаны» или кондотьеры, не только верухшка, но и «рядовая рать»: гуманист параллельно стремится напомнить и тем, и другим об обратной стороне военного ремесла. Мы слышим из уст Разума, что служба — беда, что воину грозят «на выбор» или большие опасности или большое бесславие, если он этих опасностей убоится. Поведенческий выбор понятен: хочешь славы, понимай, что ее цена — опасности и смерть, будь готов к этому. Таково ремесло. Разум цитирует знаменитую фразу, вложенную в уста Цезаря римским автором Луканом в его «Фарсалии»: «Учись разить, учись умирать»¹².

После первой развернутой фразы Разум «по списку» разворачивает пояснения о службе в целом. Оружие в его глазах — «украшение тела», но никак не души; применение оружия — «кровавая обязанность»; «результат службы» — богатство и власть (редко), бедность, тюрьма, рабство, гибель (часто). И вновь кажется, что характеристики «списаны» с историй, подобных «случаю» Аццо Корреджо.

В конце разговора Разум добавляет этически-ироничный аргумент: награда за службу — первая и главная — «свобода совершать грехи». Разум ссылается при этом на Цицерона и Ювенала, но звучат эти суждения в христианское время и в отношении воинов-христиан так, что подтекст очевиден. При этом Петрарка светски-литературно, а не только религиозно-церковно усиливает критику военного ремесла, вводит гуманистические оценки с их адресациями к великой и авторитетной в его глазах и представлениях образованных современников античности.

¹² *Petrarca Fr. I rimedi per una e l'altra sorte ... P. 414.*

Есть и еще одна ожидаемая от Петрарки фраза: соотносясь с реалиями времени, он устами Разума (в ответ на слова Радости о славе побед) веско заключает: «Гораздо лучше для тебя быть славным добродетелями предводителем мира» (*Quanto melius pacis dux virtutibus clarus esse*)¹³. Тема мира возникает в текстах трактата многократно. Рассматриваемый диалог проникнут идеей мира от начала до конца. У. Дотти называет его в своих комментариях одним из ярких свидетельств гуманистического пацифизма¹⁴.

В приведенной фразе в устах Разума фигурирует одно из главных понятий ренессансного гуманизма — добродетель (*virtus*), в данном случае близкое к понятию доблесть. Дobleсть миротворчества тем самым обновляет список этически-идеальных качеств благородного мужа, расценивается гуманистом выше, ставится впереди доблестей военных.

Нетрудно видеть, что Петрарка использует совсем другой «словарь» для описания военного ремесла: он рисует, если воспользоваться расхожим, но в данном случае весьма уместным оборотом, обратную сторону медали. Гуманист не славит того, кто через войну получил власть и богатство, не поддерживает сочувствием того, кто все потерял. Это обнаруживает, что традиционно-средневековые ценностные ориентиры в глазах Петрарки потеряли свою ценность, что есть иные, связанные с миром и мирными занятиями самого разного характера и масштаба. Все остальные военные диалоги подхватывают, наращивают суждения по поводу общественно-опасного поведения военных лиц, разбоя, насилия, рисуя в целом отряды и армии как «многоголового змея» (I, 97), жесткого, кровавого, вероломного, несправедливого. Образ беспощадного змея Петрарка, по его словам, почерпнул в посланиях Горация¹⁵ и не раз его приводил в качестве выразительной метафоры.

Подведем некоторые итоги. Изученный в статье диалог, как и все другие, связанные с военной тематикой, позволяют обозначить последовательную антивоенную позицию первого гуманиста, если так возможно определить, этический взгляд на войну, поведение командиров, рядовых воинов, средства ведения и результаты военных действий. Гуманист выказыва-

¹³ *Petrarca Fr. I rimedi per una e l'altra sorte ...* P. 416.

¹⁴ *Ibid.* P. 413.

¹⁵ *Ibid.* P. 732.

ет себя убежденным пацифистом, резко критикует стремление правителей и военачальников решать политические или династические вопросы с помощью оружия, много пишет о «модусах» поведения военных лиц, их нравственном облике, так или иначе вводит в свои рассуждения символические компоненты, чаще всего тему триумфов.

За этим встает истерзанная и измученная войнами и усобицами Италия XIV в., становится особо понятным актуальность требования знаменитой политической канцоны поэта 1340-х гг. «Мира, мира, мира».

Диалог рисует нам гуманиста как общественную личность, а его сочинения и активные действия — как первые важные свидетельства и проявления ренессансного гражданского гуманизма.

Источники

- Petrarca Fr. I rimedi per una e l'altra sorte / Tradizione e note a cura di U. Dotti. Torino: Nino Aragno, 2013. Voll. 1–4. 1162 p.*
Петрарка Ф. О воинской службе // Петрарка Ф. О средствах против превратностей судьбы / Пер. с лат. Л. М. Лукьяновой, вступ. статья Н. И. Девятайкиной. Саратов: Издательский Дом «Волга», 2016. С. 142–144.

Литература

- Андреев М. Л. Петрарка // Культура Возрождения: Энциклопедия. М., 2011. Т. 2. Кн. 1. С. 535–539.*
Всеобщая история. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока / под ред. А. О. Чубарьяна. М., 2011.
Гуковский М. А. Турниры в Италии на исходе средних веков // Средневековый быт. Л., 1925. С. 50–77.
Махо О. Г. Образ войны и науке в интарсиях урбинского студиоло Федерико да Монтефельтро // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. 2015. №2 (37). С. 154–161.
Dotti U. Vita di Petrarca: il poeta, lo storico, l'umanista. Torino, 2014.
Montecchi G. Azzo da Correggio // Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1983. Vol. 29. P. 425.

Девятайкина Нина Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин (Саратовская государственная консерватория им. Л. В. Собинова, Саратов, Россия); эл. почта: devyatay@yandex.ru.

**Petrarch's Ideas about War, Peace, Military Craft:
Ethical and Symbolic Components
(On the Dialogue "On military dignity")**

The author explores the dialogues of the treatise of the Italian humanist and poet Fr. Petrarch (1304–1374) "De remediis utriusque fortunæ». They allow us to reveal how society perceived wars and military craft in everyday practices of the 14th century. The author shows the novelty of Petrarch's humanistic position in relation to the military craft, war, peace.

Among scientists, the author emphasizes the importance of the works of U. Dotti (1933–2017) on the social and political position of Petrarch, on the translation of Latin texts of the first humanist. The author attentively and comprehensively studies one of the dialogues «De militari dignitate» (I, 48). The author pays special attention to the "anthropological component" of military service and the military picture of that time, including its ethical and symbolic aspects.

The main conclusions. Joy's statements show that the interests and values of the nobility remained traditional in Petrarch's time. Among them is the choice of military occupations, the desire to participate in wars and battles, sieges and the capture of fortresses, castles, cities, the thirst for victories and triumphs. But the humanist, through the mouth of Reason, reminds us of the reverse side of the military craft. We hear that service is a misfortune, that a warrior is threatened with "a choice" of either great dangers or great infamy. Weapons for the Mind are "adornment of the body", but not of the soul; the use of weapons is a "bloody duty"; "the result of service" is wealth and power (rarely), poverty, prison, slavery, death (often).

Petrarch secularly and literarily, and not only religiously and ecclesiastically, strengthens the criticism of the military craft, introduces humanistic assessments, addresses to the great antiquity. The theme of peace appears in the texts of the treatise many times, it looks very bright in the dialogue "De militari dignitate" U. Dotti calls it in his comments one of the clearest evidences of humanistic pacifism.

The dialogue studied in the article allows us to identify the consistent anti-war position of the first humanist, shows him as a public personality, and his writings and active actions as the first important evidence and manifestations of Renaissance civic humanism.

Key words: Petrarch, treatise "De remediis utriusque fortune", the theme of war and peace, Italian humanism, symbolism of wars and victories, ethical values of Renaissance culture.

Nina Devyataykina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Humanities (Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov, Saratov, Russia); e-mail: devyatay@yandex.ru.

References

- Andreev M. L.* Petrarca // Cultura Vozrozhdenia. Enciclopedia. M., 2011. T. 2. Kn. 1. S. 535–539.
- Vseobshaia istoria. T. 2. Srednevecovie zivilizatii Zapada I Vostoka / pod ped. A. O. Chudriana. M., 2011.
- Gukovskii M. A.* Turniri v Italii na ischode srednich vekov // Srednevekovii bit. L., 1925. S. 50–77.
- Makyo O.* Obraz voini I nauri v intarsiiach urbinskogo studiolo Federico da Montefeltro // Vestnik Akademii Russkogo baleta im. A. Vaganovoi. 2015. №2 (37). S. 154–161.
- Dotti U.* Vita di Petrarca: il poeta, lo storico, l'umanista. Torino, 2014.
- Montecchi G.* Azzo da Correggio // Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1983. Vol. 29. P. 425.

НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(420).081

Власов А. Д.

АРЧИБАЛЬД ФОРБС И ПОБЕДА ПРИ УЛУНДИ (1879 г.): К РАЗМЫШЛЕНИЮ О КУЛЬТУРНО-СИМВОЛИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ БРИТАНСКОГО ИМПЕРСКОГО МЕНТАЛИТЕТА*

Статья посвящена одному из символов победы Британии в англо-зулусской войне 1879 г. — рейду А. Форбса из Улунди, в ходе которого военный корреспондент преодолел более 110 миль за 20 часов и первым донес весть о победе до военного командования и массовой аудитории. Делается вывод о том, что позитивная общественная реакция на поступок Форбса была обусловлена сочетанием его личностных качеств с идеями служения империи, отвечавших ментальным установкам британцев.

Ключевые слова: Арчибалд Форбс, англо-зулусская война 1879 г., битва при Улунди, викторианское общество, военный корреспондент, символ победы.

Многие социально значимые явления, как, например, победа в войне, отражаются не только физически в протоколах и текстах мирных договоров, но и через символические образы в массовом сознании. Победа или поражение отождествляются с действиями войсковых подразделений, актами отдельных личностей и т. п. Особого внимания заслуживают поступки неординарные, выходящие за рамки возможностей среднестатистического человека. Героическое поведение представителя того или иного государства заставляет жителей сопереживать храбрцу, идентифицировать себя с этой личностью, а следовательно, с нацией, которую герой представляет. Самоопределение может складываться стихийно¹, а также благодаря

* Статья публикуется по материалам доклада, прочитанного на конференции «Символическое измерение военных и политических

прославлению поступка в трудах и выступлениях политиков и интеллектуалов². Таким образом, изучение символического измерения войн помогает понять механизм становления поступка символом. Для изучения данного объекта необходимо использовать индуктивный подход: рассматривать символы победы каждый в отдельности, учитывая специфику исторических и культурных реалий, которые его окружали. Анализируя символ победы, предстоит ответить на два важнейших вопроса. Во-первых, почему для конкретного общества данный поступок стал символическим? Во-вторых, как возникла данная реакция — стихийно или благодаря деятельности политиков и интеллектуалов?

Утром 3 апреля 1900 г. на кладбище Алленвейл, расположенном неподалеку от Абердина, проходили похороны. Среди прощавшихся были представители военного и дипломатического ведомств, журналисты из Лондона, профессора Абердинского университета, бизнесмен Джеймс Сиверайт, безутешная вдова, сестры и дочери³ покойного. Небольшая процессия провожала в последний путь выдающегося журналиста, публициста и общественного деятеля Арчибальда Форбса. Близкие друзья вспоминали яркие эпизоды из жизни покойного корреспондента. Военачальники отправляли свои воспоминания и соболезнования в газеты, публиковавшие некрологи. Писали о том, что «потеряли хорошего друга»⁴, «зоркого, проникательного, сдержанного ... храброго товарища, смельчака»⁵. Но чаще всего упоминали, так называемую «скачку Форбса из Улунди» (Ride of Forbes from Ulundi), произошедшую с 4 на 5 июля 1879 г. в ходе англо-зулусской войны. А. Форбс первым донес до английского командования весть о полном разгроме зулусских племен в битве при Улунди.

конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация)» (Пятое международные научные чтения «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии»), 14-15 декабря 2021 г., Санкт-Петербург.

¹ История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2006. С. 19–55.

² Тишков В. А. Реквием по этносу. М. 2003. С. 498–499.

³ The Westminster Gazette. 3 April 1900. P. 6 [Electronic resource]: URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0002947/19000403/039/0006> (date of access: 18.12.2021).

⁴ Ibid.

⁵ The Army and Navy Gazette. 7 April 1900. P. 328.

Уже в августе 1879 г. газета «Дейли Ньюс» публиковала восторженные отзывы общественности: «Если бы нас спросили, чем можно гордиться, мы бы ответили — английским журналистом, который рискнул своей жизнью под влиянием обстоятельств, которые были бы тяжелейшим нервным напряжением для любого человека: донести новость о победе до главного командования и английской публики»⁶. Скачка А. Форбса символизировала победу при Улунди.

Англо-зулусская война 1879 г. являлась одним из многочисленных колониальных конфликтов Британской империи. Боевые действия на юго-востоке Африки проходили с переменным успехом. Самое первое столкновение (битва при Изандване) закончилась полным разгромом и последующим отступлением британцев, а на следующий день 45 британских солдат отстояли лагерь Роркесдрифт от многократно превосходящих числом зулусских воинов. Итог — 17 убитых и 10 раненых британцев, 250 убитых зулусов. Эта битва вошла в «анналы британской военной истории»⁷. Но говорить об успехе было рано. Отсутствие уверенных побед и гибель Эжена Бонапарта (сына Наполеона III), служившего добровольцем в британской армии, постепенно формировала в британском обществе негативное отношение к данному противостоянию. Одна из самых популярных лондонских газет «Иллюстриред Лондон Ньюс» характеризовала войну, как «катастрофическую, бесславную, а также ненужную и бесплодную»⁸. К лету 1879 г. неприязнь британцев к африканской кампании стала особенно сильной.

Британскую армию сопровождали военные корреспонденты. Они должны были передавать описания сражений для жителей империи. Арчибальд Форбс, корреспондент «Дэйли Ньюс» и отставной драгун, который уже получил солидный

⁶ The Daily News. 23 Aug. 1879. P. 6 [Electronic resource]: URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000051/18790823/022/0006> (date of access: 18.12.2021).

⁷ Дююю Р. Э., Дююю Т. Н. Война полная энциклопедия. Все битвы, сражения и военные кампании мировой истории с 4-го тысячелетия до нашей эры до конца XX века / пер. с англ. А. Н. Анваер, Е. А. Кац. М., 2015. С. 623.

⁸ Illustrated London News. 26 July 1879. P. 78 [Electronic resource]: URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0001578/18790726/032/0006> (date of access: 18.12.2021).

журналистский опыт в ходе франко-прусской, русско-турецкой и второй англо-афганской войн, прибыл в Южную Африку весной 1879 г. А. Форбс стал очевидцем множества мелких стычек между британцами и зулусами. Бывший королевский драгун характеризовал зулусов, как «самых храбрых идиотов из всех, которых я видел или слышал... их стрелки были отвратительны..., но их беспорядочный огонь заставил бы самого дьявола лечь на землю»⁹. Корреспондент упрекал зулусов в том, что они не использовали условия местности для создания засад¹⁰, но все же отмечал, что британцы опасались внезапного нападения¹¹.

А. Форбс лично наблюдал за ходом битвы при Улунди. С пяти часов утра журналист верхом на коне сопровождал британские войска. С точки зрения Форбса, битва была «достаточно веселой, но слишком короткой»¹². После разгрома и бегства зулусов А. Форбс в сопровождении корреспондента «Таймс» галопом отправился в британский лагерь для того, чтобы описать битву и передать свой труд через штабного посыльного Гая Дауни, который должен был отбыть с депешами в ставку главного командования. Закончив описание к 16:30, А. Форбс направился в штаб. Но местный начальник полковник Крелок заявил, что «штабы не отправляют курьеров с депешами этой ночью... они ожидают точные данные о потерях»¹³. «Тогда я отправлюсь сам!»¹⁴, — воскликнул корреспондент.

Чем была вызвана такая бурная реакция? На этот вопрос А. Форбс дал исчерпывающий ответ в одном из своих писем, опубликованным в газете «Дейли Ньюс» в августе того же года. Желание А. Форбса передать вести о победе было вызвано отнюдь не стремлением стать «самым быстрым корреспондентом», как это пытались интерпретировать некоторые биографы на рубеже XIX–XX в.¹⁵, а более высокими мотивами. В тот период времени Южная Африка не была напрямую связана с

⁹ The Daily News. 21 Aug. 1879. P. 5. [Electronic resource]: URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000051/18790821/020/0005> (date of access: 18.12.2021).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Bullard F. L. Famous War Correspondents. Boston, 1914. P. 111.

Лондоном телеграфным сообщением. Сведения отправлялись в почтовое отделение Кейптауна, откуда каждый вечер вторника отбывал почтовый корабль. Битва при Улунди произошла в пятницу, поэтому описания Форбса пролежали бы больше трех дней в Кейптауне. Само собой разумеется, что другие корреспонденты также отправили свои записи. Поэтому, личное желание — исполнить роль «журналиста-первопроходца» — нельзя считать основной мотивацией корреспондента, а в прошлом военного. «Меня разгневало, — писал Форбс, — удержание разведывательных депеш, которые имели глубочайшее значение ... для будущих операций на другой линии продвижения войск»¹⁶. Таким образом, в действиях корреспондента прослеживается патриотическая мотивация — помочь своим соотечественникам, точнее войскам своего государства. А. Форбс вызвался передать документы из штаба на телеграф. «Военный секретарь вручил мне, — писал Форбс, — пакет секретных телеграмм»¹⁷. И журналист отправился в путь.

Ближайшая телеграфная станция находилась в небольшом городке Ландсмас Дрифт, располагавшемся на юго-западе от Улунди. Общее расстояние составляло чуть больше 110 миль (ок. 177 км). А. Форбсу было необходимо преодолеть этот маршрут в ночное время, по пересеченной, незнакомой местности, которая была заполнена небольшими зулусскими отрядами. «Скачка Форбса» началась 4 июля ориентировочно в 18:00. За этим последовали 20 часов непрерывной езды через кустарники, царапающие кожу, горящие краали, огромные овраги и кучи веток, которые достигали высотой 10 футов (ок. 3 метров)¹⁸, страх зажечь спичку, чтобы закурить. «Все, что у меня было, — писал Форбс, — вера в удачу, открытая кобура с револьвером и хранимая Господом лошадь»¹⁹. Несколько раз в кромешной темноте журналист сбивался с пути. Тем самым расстояние до цели увеличивалось. В ходе скачки корреспондент время от времени выезжал к британским походным лагерям. Каждая остановка длилась не более получаса²⁰. К Форбсу относились с пониманием. Например, майор Улчер командир 24 полка приказал налить всем рома в честь вести о победе, а

¹⁶ The Daily News. 21 Aug. 1879. P. 5.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

«в Форт Маршалл ... любезный, пожилой полковник Колингвуд угостил ... [корреспондента. — А. В.] чаем»²¹. В каждом лагере А. Форбс получал свежую лошадь, а иногда небольшой эскорт для сопровождения. Однако, преодолев некоторое расстояние, сопровождающие возвращались к своим частям, и журналист продолжал одиночное путешествие.

Наконец между 14:00 и 15:00 5 июля 1879 г. А. Форбс добрался до Ландсманс Дрифт. «Я проехал около 110 миль, сменил 6 лошадей»²² — резюмировал корреспондент. В своем письме А. Форбс, проанализировав поездку, заключил, что она «не была очень значительной с точки зрения скорости..., но посмотрите на задержки, вызванные потерей маршрута, получением свежих лошадей и т. д.»²³. Качество познается в сравнении. Поэтому журналист сопоставил свою поездку со следующим фактом. Через час после отъезда Форбса из лагеря, командование пересмотрело свою позицию по отношению к курьерам и отправило Гая Дауни в сопровождении эскорта с «формальной депешей»²⁴. «Я почти в три раза тяжелее, чем Дауни, — писал Форбс, — но он достиг Ландсманс Дрифт только к 22:00 пятого числа..., т. е. покинув лагерь через час после меня, он добрался до Ландсманс Дрифт через 7 часов после меня»²⁵. Таким образом, в контексте равного маршрута продвижения корреспондент развил значительную скорость и в одиночку сумел преодолеть внушительное пространство.

Прибыв на телеграфную станцию, журналист отправил сообщение в Питермарицбург, где должно было находиться британское военное командование. Приведем текст телеграммы полностью для того, чтобы оценить стилистику и информативное содержание данного документа.

«А. Форбс — сэру Гарнету Уолсли — Ландсманс Дрифт 5 июля — Вчера блестящий успех. Обе колонны, шедшие на Улунди в полном порядке, были атакованы в 9:00 со всех сторон 12 тыс. зулусов. Битва шла полчаса. Войска сражались восхитительно. Зулусы приблизились на 60 ярдов к колонне, когда они [зулусы. — А.В.] начали ломаться [ломать строй. — А. В.] — кавалерия врезалась в их ряды. Уланы рубили бегле-

²¹ The Daily News. 21 Aug. 1879. P. 5.

²² Ibid.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

цов в мясной фарш. Ружейный огонь лился на зулусов, пока последний из них не исчез. У нас менее 10 убитых и 60 раненых. Я насчитал мертвых зулусов около 800. После короткого отдыха колонны двинулись к Улунди. Кавалерия шла впереди, сжигая все военные краали. Я вернулся в лагерь до ночи. Лорд Челмсфорд сегодня отступил в Квамагваса. Он имеет паек на 15 дней, но подножный корм почти полностью уничтожен огнем. Больше никакой связи с Кечвайю, который покинул Улунди 3 числа»²⁶.

Таким образом, журналист кратко изложил основную информацию: победа, ход битвы, потери, дальнейшее продвижение войск, информация о фураже. В переводе затруднительно передать в полной мере лаконичность английского языка. Стоит подчеркнуть умение корреспондента сочетать яркие подробности, целостность изложения и краткость. Кстати, современники отмечали, что А. Форбс «имел дар изложить все, что увидел ясно и убедительно»²⁷. Помимо всего прочего, корреспондент довольно точно описал потери сторон, которые, после тщательного подсчета, составили 10 убитых и 87 раненых британцев, а также 1000 убитых зулусов²⁸.

Вечером 5 июля сообщение Форбса было получено сэром Г. Уолсли (Питермарицбург), который переслал текст депеши сэру Бартлу Фреру — главе британской колониальной администрации, располагавшейся в Кейптауне. «Поздравьте Форбса с его энергией ... от меня лично»: написал Г. Уолсли²⁹, «сердечно поздравьте Форбса... за его рейд из Улунди»: телеграфировал Б. Фрер³⁰. Таким образом, поступок А. Форбса получил свое название — рейд Форбса из Улунди [скачка Форбса. — А. В.]. Эти восторженные телеграммы можно считать отправной точкой превращения поступка корреспондента в символ победы. В качестве небольшого дополнения стоит отметить практическую значимость скачки Форбса. Депеша журналиста достигла своих адресатов уже вечером 5 июля. А вот штабного курьера Гая Дауни ждало разочарование. Его сообщения не могли доставить адресатам вплоть до 7 июля.

²⁶ The Daily News. 21 Aug. 1879. P. 5.

²⁷ The Westminster Gazette. 3 April 1900. P. 6.

²⁸ *Raugh H. E. Jr. The Victorians at War 1815–1914: An Encyclopedia of British Military History.* Santa Barbara, 2004. P. 330.

²⁹ The Daily News. 21 Aug. 1879. P. 5.

³⁰ Ibid.

Особо примечательной является реакция сэра Гарнета Уолсли — участника Крымской и Второй Опиумной войн, подавления восстания сипаев, а также автора знаменитой «Карманной книги солдата для полевой службы» (*Soldier's Pocket Book for Field Service*). Сэр Г. Уолсли являлся представителем той части военной элиты, которая негативно относилась к военным корреспондентам. Уолсли характеризовал военных журналистов, как «проклятие армии, которое поедает хлеб солдат и не работает»³¹. Именно этот человек поздравил А. Форбса 5 июля, а в день смерти Форбса охарактеризовал его, как «стойкого под обстрелом..., друга солдат..., самого лучшего корреспондента, который когда-либо сопровождал армию»³². Следовательно, поступок Форбса заслужил не только восторг широкой аудитории, но и одобрение профессионала, который негативно относился к военным корреспондентам в принципе.

Почему же скачка корреспондента стала одним из символов победы? Здесь стоит учитывать множество факторов: и то, что война была непопулярна среди британцев, а следовательно, многие ждали ее завершения; и то, что весть о победе была доставлена нетривиально: как смертельно опасное и захватывающее приключение, делающее честь его герою. Однако, пожалуй, самым важным аспектом является то, что доставивший эту весть корреспондент, проявил благородные личностные качества патриота, слуги империи — рискнул своей жизнью ради Британии. Поэтому образ смельчака, который верхом на лошади привез вести о полном разгроме противника в этой долгой и ставшей обременительной войне, удовлетворял общественный запрос, а также органично вписался в ментальные установки британцев.

Личностные качества Форбса в конкретных военно-политических и культурных реалиях сыграли решающее значение для становления «рейда из Улунди» символом победы. Британское общество восхищенно откликнулось на этот поступок. Население было поражено доблестью британца на службе империи, доблестью наездника, что было в чести в Британии, и человека, готового исполнить свой высочайший долг нестандартным образом. Общественная реакция возникла и нарас-

³¹ *Raugh H. E. Jr. Op. cit. P. 109.*

³² *The Army and Navy Gazette. 7 April 1900. P. 328.*

тала стихийно. Самыми первыми маркерами можно считать благодарности Г. Уолсли и Б. Фрера. После того, как о рейде Форбса узнали в Британии и начали упоминать во многих газетах (рис. 1), а «Дейли Ньюс», в свою очередь, всячески это поддерживала, скачка Форбса, окончательно приобрела символическое значение для британской публики, которая восприняла и сохранила данный образ в общественной памяти.

Источники

- The Army and Navy Gazette. 7 April 1900. P. 328 [Electronic resource]: URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0001394/19000407/015/0004?browse=true> (date of access: 18.12.2021).
- The Daily News. 21 August 1879. P. 5 [Electronic resource]: URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000051/18790821/020/0005> (date of access: 18.12.2021).
- The Daily News. 23 August 1879. P. 6 [Electronic resource]: URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0000051/18790823/022/0006> (date of access: 18.12.2021).
- The Illustrated London News. 26 July 1879. P. 78 [Electronic resource]: URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0001578/18790726/032/0006> (date of access: 18.12.2021).
- The Illustrated London News. 9 August 1879. P. 1 [Electronic resource]: URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/bl/0001578/18790809/002/0001> (date of access: 18.12.2021).
- The Westminster Gazette. 3 April 1900. P. 6 [Electronic resource]: URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/viewer/BL/0002947/19000403/039/0006> (date of access: 18.12.2021).

Литература

- Дютюи Р. Э., Дютюи Т. Н.* Война полная энциклопедия. Все битвы, сражения и военные кампании мировой истории с 4-го тысячелетия до нашей эры до конца XX века. М., 2015.
- История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Отв. ред. Л. П. Репина. М., 2006.
- Тишков В. А.* Реквием по этносу. М., 2003.
- Bullard F. L.* Famous War Correspondents. Boston, 1914.
- Raugh H. E. Jr.* The Victorians at War 1815–1914: An Encyclopaedia of British Military History. Santa Barbara, 2004.

Алексей Денисович Власов, аспирант кафедры всеобщей истории (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия); эл. почта: VlasovAl.Den@gmail.com.

Archibald Forbes and the Victory at Ulundi (1879): to reflect on the Cultural and Symbolic aspects of the British Imperial Mentality

The socially important event usually has the symbolic content. Victory is saved not only in the texts of peace treaties, but also in a social mind due to heroic acts. Citizens look on a hero, and identify themselves with a hero, therefore, with the hero's nation. This paper is dedicated to the Raid of A. Forbes from Ulundi (the last major combat of the Anglo-Zulu war 1879). The brave British war correspondent of "Daily News" Archibald Forbes made his raid across the terra incognita on the horse's back at night 4-5 July 1879 with the goal send the information about victory to British military commanders and publics. He overcame 110 miles from Ulundi to the nearest telegraph station at Landsman's Drift in 20 hours, changed 6 horses, and lost his way for several times. This raid struck a deep chord in the Briton's hearts. It was enthusiastically appreciated in Britain newspapers which published rave reviews of the public about this act. The Raid of Forbes became a symbol of Ulundi's victory. Having considered the nature of public response, we have come to the assumption that the combination of horseman personal qualities – firmness, courage, and patriotism – correlates with the positive mental attitudes of the Victorian society.

Key words: Archibald Forbes, Anglo-Zulu War of 1879, Battle of Ulundi, Victorian society, war correspondent, symbol of victory.

Aleksei Vlasov, postgraduate student of the Department of World History (The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia); e-mail: VlasovAl.Den@gmail.com.

References

- Djurjui R. Je., Djurjui T. N. Vojna polnaja jenciklopedija. Vse bitvy, srazhenija i voennye kampanii mirovoj istorii s 4-go tysjacheletija do nashej jery do konca XX veka. M., 2015.
- Istorija i pamjat': Istoricheskaja kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni / Otv. red. L. P. Repina. M., 2006.
- Tishkov V. A. Rekviem po jetnosu. M., 2003.
- Bullard F. L. Famous War Correspondents. Boston, 1914.
- Raugh H. E. Jr. The Victorians at War 1815-1914: An Encyclopaedia of British Military History. Santa Barbara, 2004.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

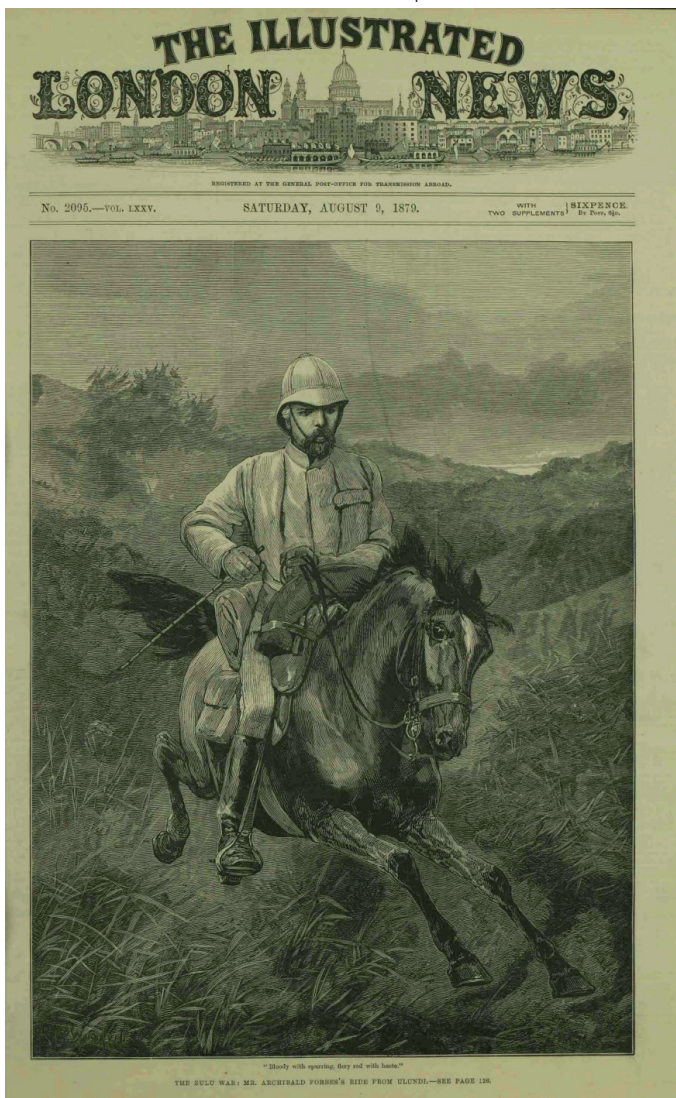

Рис. 1. Первая полоса популярной газеты «The Illustrated London News» от 9 августа 1879 г., посвященная рейду А.Форбса из Улунди. В качестве подписи под изображением — «Шпоры в крови, в горячке спешки» — использована цитата из пьесы У. Шекспира «Ричард II»

Пушкаренко Е. А., Янушевич И. И.

ПРОПАГАНДА КАК ОСНОВНОЙ ИНСТРУМЕНТ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ВИЛЬГЕЛЬМА КУБЕ НА ТЕРРИТОРИИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ОКРУГА БЕЛАРУСЬ*

В статье исследуется проблема пропаганды как основного инструмента немецкой оккупационной политики Вильгельма Кубе на территории Генерального округа Беларусь. Авторы приходят к выводу, что Генеральный комиссар округа Вильгельм Кубе видел в пропаганде превентивное средство в пацификации населения, установлении спокойного тыла вермахта и решении задач экономической эксплуатации подчиненной ему территории. Особую ставку в оккупационной политике он сделал на разжигание национализма и развитие белорусского коллаборационизма.

Ключевые слова: немецкая пропаганда, Генеральный округ Беларусь, Генеральный комиссар Вильгельм Кубе, гражданская администрация, Великая Отечественная война.

Оккупация Советской Белоруссии продолжалась более трех лет. Необходимость обеспечения спокойного тыла и создания условий для выполнения эксплуатационных планов заставила немецкие оккупационные власти прибегнуть к более активному использованию пропаганды. Вскоре после начала войны на оккупированной территории Советской Белоруссии было введено военное управление. Большая часть республики входила в состав тыла группы армий «Центр», командование которой возглавлял генерал М. фон Шенкендорф¹. Шенкендорф изначально обратил особое внимание подчиненных на необходимость активизации идеологической работы среди населения захваченной советской территории. В его приказе

* Статья публикуется по материалам доклада, прочитанного на конференции «Символическое измерение военных и политических конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация)» (Пятое международные научные чтения «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии»), 14-15 декабря 2021 г., Санкт-Петербург.

¹ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993. С. 48.

от 21.10.1941 г. говорилось: «Для борьбы с советской пропагандой должны быть использованы все возможные средства. К ним относится и белорусизация. Белорусские люди, которым мы можем доверять, должны быть привлечены к проведению белорусизации на местной почве. Одной из целей является забота о сохранении белорусских обычаев, песен, музыки; создание детских садов; организация производства товаров повседневного спроса, содействие развитию белорусского языка, проведение театральных мероприятий... В указанных видах деятельности можно предоставлять свободу для действий; только нужно обращать внимание на то, чтобы рядом с культурной деятельностью ни в коем случае не проглядывались политические цели»².

В первые дни и месяцы войны к гражданскому населению оккупированных советских республик обратились и представители специальных частей вермахта — т. н. «рот пропаганды». В тексте обращения «К трудящимся и крестьянству», сделанному на белорусском и русском языках, говорилось, что «германская армия вошла на территорию СССР для освобождения всех рабочих от большевистского гнета» и, что «германская власть в дальнейшем сделает все для организации примерного образа жизни». Кроме того, военные пропагандисты подчеркивали, что германская армия борется не с народом — русским или белорусским — а с большевиками и «преступным советским строем»³.

По мере отдаления линии советско-германского фронта на Восток, все более актуальным становился вопрос о введении гражданского управления на оккупированной советской территории в тылу вермахта. В результате был создан рейхскомиссариат Остланд с административным центром в Риге во главе с рейхскомиссаром Г. Лозе, в состав которого вошел вновь образованный Генеральный округ Беларусь. При этом округ занимал только четверть довоенной территории БССР⁴.

² Приказ М. Шенкендорфа об использовании пропаганды от 21.10.1941 // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 1273. Л. 17.

³ Обращение «К трудящимся и крестьянству» // НАРБ. Ф. 4. Оп. 33 а. Д. 33. Л. 10.

⁴ «Ostarbeiter» — «Остарбайтеры». Weißrussische Zwangsarbeiter in Österreich. Dokumente und Materialien. Принудительный труд белорусского населения в Австрии. Документы и материалы. Минск, 2003. С. 7.

Следует отметить, что полномочия главы гражданской администрации округа — Генерального комиссара Вильгельма Кубе — были значительно ограничены. «Высшее командование СС и полиции, хоть и было приписано к штабам рейхскомиссаров, однако участвовало в них формально», — указывает польский исследователь Модайчик⁵. Ситуация усугублялась еще и тем, что командование СС и полиции в основных сферах своей деятельности подчинялось Гиммлеру, а это исключало возможность вмешательства гражданских властей⁶. Подчинение хозяйственных служб формально перешло в компетенцию генерального и окружных комиссаров, однако задания для них определял Геринг, а Кубе и подчиненный ему аппарат должны были только их реализовывать. У Кубе не было широких возможностей и в сфере пропаганды. Здесь действовали т.н. «пропагандистские руководители», которых направляло в округ министерство Розенберга⁷. Как следствие, Кубе, сделавший основную ставку на пропаганду как средство оккупационной политики, часто вступал в конфликт с руководством СС и полиции в вопросах методов борьбы с «бандитизмом» и «решения еврейского вопроса». Если Кубе стремился завоевать симпатии местного населения, активно используя идеологический инструментарий, то подчиненные Гиммлера действовали жестко и жестоко, проводя карательные экспедиции и публичные акции геноцида евреев.

Вильгельм Кубе уже в начале деятельности на посту Генерального комиссара Беларуси заявил о политике т.н. «белорусизации». Публичные высказывания Кубе относительно перспектив национального развития белорусского края доходили до того, что Генеральный округ Беларусь в будущем должен «стать Отечеством для белорусского народа» и, что «белорусский народ является государствообразующим»⁸. По его инициативе были основаны разнообразные культурные,

⁵ *Madajczyk C. Faszyzm i okupacje 1938–1945. Wykoniwanie okupacji przez panstwa Osi w Europie. T. I. Poznan, 1983. S. 566.*

⁶ *Загоруйко М., Юденков А. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1970. С. 57.*

⁷ Фрагмент рапорта В.Кубе от 14.10.1943 г. // *Archiwum Akt Nowych, mf. aleks., T-454, R.23/510.*

⁸ *Kube W. Weissruthenien: Ein Jahr Zivilverwaltung // Deutsche Zeitung im Ostland. 30.08.1942. № 237. S. 1.*

научные и общественные организации — «Белорусское научное общество»⁹, «Белорусские профсоюзы»¹⁰, «Судебный аппарат Беларуси»¹¹, «Всебелорусский женский комитет»¹². Само их наличие должно было служить доказательством доверия немецкой администрации к белорусам, уважения к их стремлению организовать собственные общественные и государственные структуры.

1 августа 1941 г. при Генеральном Комиссариате в Минске был создан отдел пропаганды, включавший ряд подразделений — собственно пропаганды, печати, искусства и культуры¹³. Одним из первых нормативных актов немецкой гражданской администрации округа, регламентировавшим сферу идеологии, стал приказ Кубе от 17.09.1941 г., в котором говорилось о необходимости «ликвидировать идеологический вакуум и противопоставить свою пропаганду коммунистической, которая саботирует мероприятия немецкой власти». Кубе предложил развернуть широкую идеологическую кампанию о скорой победе Германии, о ее военной мощи и культурно-историческом величии¹⁴.

Как отмечал один из авторов ранее, «в годы Великой Отечественной войны белорусская культура в пределах Генерального округа Белоруссия пережила своеобразный подъем, инициатором которого выступил глава немецкой гражданской администрации Вильгельм Кубе»¹⁵. Идея «белорусизации», предложенная им, включала целый ряд составляющих: возрождение культуры и языка, возобновление церковной жизни, популяризацию достижений мировой и белорусской культуры, открытие школ и вузов. Все направления работы

⁹ Белорусское научное общество // НАРБ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-5.

¹⁰ Белорусские профсоюзы // НАРБ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹¹ Судебный аппарат Беларуси // НАРБ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

¹² Всебелорусский женский комитет // НАРБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹³ Генеральный комиссариат Беларуси // НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2376. Л. 16.

¹⁴ Приказ Генерального комиссара В. Кубе от 17.09.1941 г. // НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-10.

¹⁵ Пушкаренко Е. А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссии в 1941–1944 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 168.

немецкой гражданской администрации в контексте «белорусизации» сопровождалась широкой и разнонаправленной пропагандой. При этом истинная цель Кубе заключалась в создании определенной социальной опоры в белорусском социуме, которая в дальнейшем станет активной вспомогательной силой в выполнении оккупационных планов.

Таким образом, у немецкой администрации наметились две основных линии ведения оккупационной политики. Первая исходила из установки Гитлера на безраздельное господство немцев на Востоке, отраженной в плане «Ост». В соответствии с последним предполагалось выселение в Сибирь 75 % белорусов. В беседе с Розенбергом, состоявшейся в декабре 1941 г., Гитлер подчеркнул, что считает нецелесообразным призывать другие народы к сотрудничеству, так как в будущем это дало бы основание для предъявления соответствующих претензий¹⁶. Вторая линия — это ставка Кубе на пропаганду и идеологические средства.

Отсутствие у Кубе достаточных полномочий и рычагов влияния на подразделения СС и полиции делали его позицию уязвимой и становились поводом для конфликтов. Принципиально важный момент возникших разногласий был связан с методами антипартизанской борьбы. Если Кубе в борьбе с партизанами основную ставку делал на пропаганду и белорусских коллаборационистов, то Гитлер и Гиммлер исходили из необходимости жестких карательных акций силами полиции и СС. «План Кубе ... основывался на создании густой сети отрядов Белорусской самозащиты, поддержанных силами СС и вермахта», — отмечает Ю. Туронак¹⁷. А в соответствии с директивой Гитлера № 46 борьба с партизанами входила в компетенцию высшего командования и была сосредоточена исключительно в руках Г. Гиммлера, в подчинение которого были переданы резервные силы вермахта, СС и полиции. Предполагалось, что ликвидировать партизанскую угрозу удастся путем масштабных карательных операций. Более того, Геринг и Гиммлер рассчитывали, что в ходе проведения подобных акций удастся соединить уничтожение партизан с

¹⁶ Der prozess gegen Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Milit argerishthof Nürnberg 14 November 1945 — 10 Oktober 1946. Nürnberg, 1947. S. 270.

¹⁷ Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993. С. 125.

реквизициями продовольствия и принудительной отправкой населения на работу в Германию или в концлагерь¹⁸.

На практике доминировала линия Гитлера и Гимmlера. В зонах действия партизан проводились карательные экспедиции, ударявшие, главным образом, по мирному населению. Было очевидно, что на фоне зверств СС блекнут все начинания Кубе в области пропаганды. В 1942–1943 гг. Вильгельм Кубе неоднократно обращался с рапортами к вышестоящему руководству относительно негативных политических последствий карательных акций. По итогам операции «Коттбус» Генеральный комиссар констатировал, что в результате ее проведения было уничтожено 13000 «врагов» и при этом захвачено только 950 винтовок, — «таким образом, — отмечал он, — 90% этих врагов — просто безоружные люди»¹⁹. В рапорте на имя Г. Лозе в июне 1943 г. В. Кубе писал: «Я предлагаю, чтобы министр по делам занятых восточных территорий представил этот вопрос в ставке фюрера. Такие вещи имеют большое политическое значение. Если и в дальнейшем не изменится отношение к местному населению занятых восточных территорий как со стороны полиции, так и вермахта..., то следующей зимой следует ожидать не только роста партизанского движения, но и бунта по всему краю»²⁰. В другом письме Кубе уже указывал на личную ответственность Готтберга, как руководителя карательных операций, которые, «кроме катастрофических политических и экономических последствий, не только не влияют на уменьшение числа партизан, а, наоборот, вызывают их рост»²¹.

В августе того же года в очередном рапорте Кубе высказался еще более резко: «То, что делают с населением в ходе полицейских акций, является результатом психологических ошибок. Фатальную роль здесь играет фигура Дирлевангера, так как этот человек во время своей карательной экспеди-

¹⁸ Hesse E. Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel der deutschen Kampfanweisungen und Befehle. Gotingen-Zurich-Frankfurt, 1969. S. 167.

¹⁹ Müller N. Okkupation — Raub — Vernichtung: Dokumente zur Besatzungspolitik der faschistischen Wehrmacht auf sowjetischem Territorium: 1941 bis 1944 / Hrsg. v. N. Müller. Berlin, 1980. S. 151.

²⁰ Trials of War Criminals before the Neurnberg Military Tribunals. Vol. XIII. Washington, 1952. P. 520.

²¹ Ibid. P. 517.

ции против мирного населения сознательно не берет в расчет никаких политических обстоятельств. На фоне этих методов Тридцатилетней войны утверждения немецкой гражданской администрации о сотрудничестве с белорусским народом звучат лживо. Массовые расстрелы или сжигание женщин и детей не имеют ничего общего с гуманным ведением войны... Если такими методами действовать и дальше, нечего рассчитывать на успокоение края, даже если силы полиции возрастут в десять раз... Карательные экспедиции, порой, превращаются в кровавые оргии, и это не только уничтожает доверие населения к немецкому руководству, но, в первую очередь, отнимает уверенность у белорусов, которые с нами сотрудничают»²². Не сложно представить, какую реакцию вызывали подобные письма и обращения Кубе у представителей СС.

Еще большую настороженность в аппарате Гимmlера вызывали рапорты Кубе относительно политических последствий публичных акций геноцида евреев. 30 октября 1941 г. полиция осуществила массовую расправу с еврейским населением в г. Слуцк. В донесении на имя Кубе от окружного комиссара Слуцка сообщалось: «С невероятной жестокостью немецкие полицейские и особенно литовские партизаны [речь идет о литовских частях полиции на службе у немцев] вытаскивали из домов и сгоняли евреев, а среди них — и белорусов. Белорусам с большим трудом удавалось избавиться от обвинений [в том, что они не евреи]. Не говоря уже о том, что над евреями, в том числе над ремесленниками, издевались на глазах белорусов, так и самих белорусов били резиновыми дубинками и прикладами карабинов. Это была уже не еврейская акция, а выглядело скорей как революция. Белорусское население, которое нам полностью доверяло, теперь в ужасе. Я считаю, что этой акцией было уничтожено многое из того, что нам удалось достигнуть за последние месяцы, и что пройдет много времени, пока мы вернем утраченное у населения доверие»²³. Реакцией на него стало обращение В. Кубе к рейхскомиссару Г. Лозе: «Такими методами нельзя поддерживать

²² Фрагмент рапорта В. Кубе от 14.10.1943 г. // Archiwum Akt Nowych, mf. aleks., T-454, R.23/510.

²³ Der prozess gegen Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Milit argerishthof Nürnberg 14 November 1945 — 10 Oktober 1946. Nürnberg, 1947.

в Беларуси покой и порядок. То, что тяжелораненные были похоронены живьем, а потом выкарабкивались из могил, — это такое безграничное свинство, что об этом событии нужно сообщить фюреру. Гражданское руководство Беларуси прилагает огромные усилия, чтобы заработать симпатии местного населения. Но эти усилия не могут сосуществовать и мириться с вышеописанными методами»²⁴. Более того, Кубе подал уголовный иск против всего офицерского корпуса полицейского батальона № 11, участвовавшего в акции против слущких евреев²⁵.

Позиция Кубе по «еврейскому вопросу» вызывала, по меньшей мере, недоумение, а в каких-то случаях подозрения в его симпатиях к евреям. Например, оберштурмбанфюрер СС Э. Штраух, непосредственно принимавший участие в геноциде евреев на территории округа, в ходе Нюрнбернского процесса заявил: «Лично мне Кубе часто подчеркивал, что евреям, эвакуированным из империи, можно было бы сохранить жизнь, поскольку они не понимали местного языка и, следовательно, не могли стать опасными с точки зрения бандитизма. На своем опыте я убедился, что в глубине души он является противником наших еврейских действий. Если он не признает этого внешне, то делает это только из страха перед последствиями»²⁶.

Однако авторы не видят в подобных действиях Кубе проявление некоего гуманизма. Генеральный комиссар Беларуси был членом национал-социалистической партии и был прекрасно осведомлен о базисных постулатах нацизма и истинных целях «рейха» на Востоке. В период пребывания Кубе у власти на территории округа были убиты десятки тысяч как белорусских евреев, так и евреев из европейских стран, привезенных в Беларусь именно с целью последующего уничтожения. Его обращения к руководству о нецелесообразности применения карательных мер против гражданского населения, в том числе против евреев, были продиктованы исключительно

²⁴ Der prozess gegen Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Milit argerisshof Nürnberg 14 November 1945 – 10 Oktober 1946. Nürnberg, 1947.

²⁵ Aus den Akten des Gauleiters Kube // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Jahrgang 4 (1956). Hefte 1. S. 72.

²⁶ Aus den Akten des Gauleiters Kube // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Jahrgang 4 (1956). Hefte 1. S. 92.

утилитарными соображениями. Идеологические средства, по мнению Кубе, были более эффективны и могли принести больший результат и в обеспечении спокойного тыла, и в выполнении эксплуатационных задач подчиненной ему территории. Его противоречия с коллегами по партии и имперским руководством носили исключительно «методологический» характер. Кубе, несомненно, хотел проявить себя на посту комиссара округа и оправдать «высокое» доверие Гитлера. Именно поэтому он отправлял в Ригу многочисленные рапорты, составленные на основании донесений его подчиненных, стремясь доказать, что предлагаемые им методы оккупационного режима более эффективны, нежели методы, практикуемые СС и СД.

Кубе получал многочисленные рапорты подчиненных о бесчинствах, которые устраивали на территории округа подчиненные Гиммлера. Например, в сообщении уполномоченного начальника отдела политики Борисовского округа говорилось о проведении карательной акции в деревне Витуничи, в результате которой трупы расстрелянных и сожженных людей не были должным образом захоронены и их «таскали свиньи»²⁷.

Реакция Кубе на него в очередной раз была резкой. В его письме А. Розенбергу от 03.06.1943 г. относительно политических последствий подобных методов борьбы с партизанами говорится: «Если в такой форме, как до сих пор действовала полиция, будут продолжать действовать вермахт и организация Тодта, следующей зимой мы столкнемся не только с проблемой бандитизма, но и с восстанием всего края»²⁸.

Выступая против карательных экспедиций, жертвами которых, по большей части, становятся не партизаны, а мирные жители, Кубе неоднократно аргументировал свою позицию именно их неблагоприятными политическими последствиями. «Политическое воздействие этой крупной акции [Коттбус] на мирное население в результате расстрела множества женщин и детей ужасающее»²⁹.

²⁷ «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май-июнь 1943 г.: док. и материалы. Минск, 2018. С. 130–131.

²⁸ Письмо В. Кубе рейхсминистру А. Розенбергу // НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1046. Л. 213.

²⁹ Донесение В. Кубе рейхсминистру оккупированных восточных территорий А. Розенбергу о результатах операции «Коттбус» от

Очевидно, что подобные высказывания Кубе, пусть даже во внутреннем документообороте, явно контрастировали с общей стратегической линией нацистов в отношении оккупированных восточных территорий. Среди представителей СД и СС (Гиммлер, Готтберг, Штраух и др.) возникла группа, стремившаяся убрать Кубе с занимаемой должности и представить его в негативном свете в глазах Гитлера. По инициативе Гиммлера, Розенберг вынес Генеральному комиссару Беларуси «серьезное предупреждение»³⁰. Ситуация разрешилась в ночь с 21 на 22 сентября 1943 г., когда Кубе был убит советскими подпольщиками.

Впрочем, необходимость развертывания пропаганды как превентивного средства в решении вопроса «борьбы с бандитизмом», пацификации местного населения в тылу вермахта и выполнения планов экономической эксплуатации оккупированных восточных территорий становилась все более очевидной уже после первых значительных провалов на советско-германском фронте. Весной 1942 г. Розенберг выступил против жестокого обращения с населением восточных территорий, он запретил использовать термин «колония» применительно к восточным территориям, потому что это отрицательно сказывается на эффективности работы пропагандистов³¹. Необходимость в определенной поддержке со стороны местного населения, о чем изначально говорил Кубе, проявилась и в изменении риторики немецких пропагандистов. В публичных выступлениях и печати отныне запрещалось упоминать про колонизацию и эксплуатацию восточных территорий, наоборот рекомендовалось говорить о перспективах их возрождения под немецким руководством³².

Изменения в восприятии сложившейся ситуации хорошо видны из переписки руководства «Остланда». В письме Г. Лозе на имя А. Розенберга читаем: «От Кубе поступили донесения,

05.06.1943 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 171. Л. 14–15.

³⁰ Trials of War Criminals before the Neurnberg Military Tribunals. Vol. XIII. Washington, 1952. P. 525.

³¹ Инструкция Министерства оккупированных восточных территорий Остланд от 17.03.1943 г. // AAN. Mf. Aleks. T-454. R.21/132.

³² Reichspropagandaleiter der NSDAP. Behandlung der europäischen Völker, 15-02-1943 // AAN. Mf. Aleks. T-454. R.98/298.

заслуживающие особого внимания. Что по сравнению с этим Катюнь?.. Борьба с бандами принимает формы, вызывающие опасения, если только нашей целью являются умиротворение и эксплуатация отдельных областей... Мне кажется, что мера, когда в амбарах запирают женщин, мужчин и детей, а затем поджигают их, непригодна для борьбы с бандами. Этот метод недостойн для германского дела и наносит большой ущерб нашему авторитету»³³.

Опасения Кубе об отрицательном влиянии карательных экспедиций на доверие местного населения себя полностью оправдали. Ответом на массовые убийства мирных жителей стал рост партизанского движения. А влияние подобных преступных акций на эффективность немецкой пропаганды было более чем очевидным. Политика «белорусизации» и идеи Кубе по созданию свободной Беларуси в составе т. н. «Новой Европы» на фоне зверств СС выглядели лживо и демагогично.

В заключении резюмируем, что особая позиция В. Кубе, придававшего пропаганде ведущее значение в реализации оккупационной политики, проявилась в создании на территории округа четко налаженной системы пропаганды, по аналогии с пропагандистской машиной «рейха». В отличие от своего коллеги, Генерального комиссара Украины Коха, он отдавал предпочтение не полицейским мерам, а средствам идеологического воздействия. В процессе своей двухлетней деятельности в должности Генерального комиссара Беларуси Кубе неоднократно выступал против карательных репрессивных действий СС и полиции в отношении мирного населения, мотивируя это тем, что их последствия крайне негативно сказываются на эффективности немецкой пропаганды в округе и итогах хозяйственных мероприятий. Выступления Кубе против антиеврейских акций также аргументировались соображениями экономической целесообразности, а также их отрицательными морально-психологическими последствиями и утратой доверия со стороны белорусского населения. Политическая линия Кубе, его приверженность идеологическим средствам в реализации практических задач эксплуатации земли Беларуси вносили определенную специфику в немец-

³³ Письмо Г. Лозе рейхсминистру А. Розенбергу // ГАРФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 171. Л. 11.

кую пропаганду на территории округа Беларусь. Опираясь в идеологической работе на белорусских коллаборационистов, Кубе пошел на ряд внешних политических уступок, допуская пропаганду идей создания самостоятельного белорусского государства под протекторатом Германии, что категорически противоречило как реальным планам нацистов относительно «освобожденных» народов Востока, так и установкам имперских властей относительно содержания пропагандистских материалов. Затяжной характер войны, неудачи вермахта на восточном фронте, все возрастающие экономические нужды военной экономики Германии, невозможность преодолеть рост партизанского движения чисто полицейскими мерами заставили нацистское руководство частично пересмотреть отношение к значимости пропаганды на Востоке. Даже преемник Кубе, генерал СС Курт фон Готтберг, руководивший до этого карательными операциями против мирного населения, вынужден был во многом придерживаться политического курса предшественника, основу которого составляли пропаганда и взаимодействие с белорусскими коллаборационистами. Таким образом, особая политическая линия Кубе, его приверженность «мягкой силе» не снимают с него ответственности за преступления германских нацистов на белорусской земле. Вильгельм Кубе был частью политико-административной системы гитлеровцев, членом национал-социалистической партии, непосредственным исполнителем целого ряда идейно-политических и хозяйственных задач «рейха» на Востоке, а поэтому вопрос о его «непричастности» к преступлениям нацизма навсегда должен остаться риторическим.

Источники

- Белорусские профсоюзы // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 555. Оп. 1. Д. 1.
- Белорусское научное общество // НАРБ. Ф. 386. Оп. 1. Д. 1.
- Всебелорусский женский комитет // НАРБ. Ф. 384. Оп. 1. Д. 1.
- Генеральный комиссариат Беларуси // НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 2376.
- Донесение В. Кубе рейхсминистру оккупированных восточных территорий А. Розенбергу о результатах операции «Коттбус» от 05.06.1943 // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 171.

- Инструкция Министерства оккупированных восточных территорий Остланд от 17.03.1943 г. // Archiwum Akt Nowych (AAN). Mf. Aleks. T-454. R.21/132.
- Обращение «К трудящимся и крестьянству» // НАРБ. Ф. 4. Оп. 33а. Д. 33.
- Письмо В. Кубе рейхсминистру А. Розенбергу // НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1046.
- Письмо Г. Лозе рейхсминистру А. Розенбергу // ГАРФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 171.
- Приказ Генерального комиссара В. Кубе от 17.09.1941 г. // НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1.
- Приказ М. Шенкендорфа об использовании пропаганды от 21.10.1941 // НАРБ. Ф. 370. Оп. 1. Д. 1273.
- Сообщение уполномоченного начальника отдела политики Борисовского гебитскомиссариата Ланге // НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 1046.
- Судебный аппарат Беларуси // НАРБ. Ф. 396. Оп. 1. Д. 2.
- Фрагмент рапорта В. Кубе от 14.10.1943 г. // AAN. Mf. Aleks. T-454. R.23/510.
- Aus den Akten des Gauleiters Kube // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. Jahrgang 4 (1956). Hefte 1. SS. 67-92.
- Reichspropagandaleiter der NSDAP. Behandlung der europäischen Völker, 15.02.1943 // AAN. Mf. Aleks. T-454. R.98/298.

Литература

- Загорулько М., Юденков А. Крах экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР. М., 1970.
- «Коттбус». Нацистская карательная операция в Беларуси, май-июнь 1943 г.: док. и материалы. Минск, 2018.
- Пушкаренко Е. А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Белоруссии в 1941-1944 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 2. С. 167-174.
- Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Мінск, 1993.
- Der prozess gegen Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Milit argerisshof Nürnberg 14 November 1945 - 10 Oktober 1946. Nürnberg, 1947.

- Hesse E. Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel der deutschen Kampfangeweisungen und Befehle. Göttingen-Zürich-Frankfurt, 1969.
- Kube W. Weissruthenien: Ein Jahr Zivilverwaltung // Deutsche Zeitung im Ostland. 30.08.1942. № 237.
- Madajchyk C. Faszyzm i okupacje 1938-1945. Wykoniwanie okupacji przez panstwa Osi w Europie. T. I. Poznan, 1983.
- Müller N. Okkupation – Raub – Vernichtung: Dokumente zur Besatzungspolitik der faschistischen Wehrmacht auf sowjetischem Territorium: 1941 bis 1944 / Hrsg. v. N. Müller. Berlin, 1980.
- «Ostarbeiter» – «Остарбайтеры» Weißrussische Zwangsarbeiter in Österreich. Dokumente und Materialien. Принудительный труд белорусского населения в Австрии. Документы и материалы. Минск, 2003.
- Reitlinger G. The house built on the sand. The conflicts of German policy in Russia 1939–1945. L., 1960.
- Torwald J. Wen sie verbenden wollen. Bericht des grossen Verrats. Stuttgart, 1952.
- Trials of War Criminals before the Neurnberg Military Tribunals. Vol. XIII. Washington, 1952.

Пушкаренко Елена Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения (Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия); эл. почта: pushkarenko-elena@mail.ru.

Янушевич Иван Иванович, кандидат исторических наук, проректор по воспитательной работе и социальным вопросам (Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия); эл. почта: ivan-jan@uandex.ru.

Propaganda as the Main Tool of the German Occupation Policy of Wilhelm Kube on the Territory of the General District of Belarus

The article examines the problem of propaganda as the main tool of the German occupation policy of Wilhelm Kube on the territory of the General District of Belarus. The authors come to the conclusion that the General Commissioner of the district V. Kube saw in propaganda a preventive means of pacifying the population, establishing a calm rear of the Wehrmacht and solving the problems of economic exploitation of the territory subordinate to it. He placed a special stake in the occupation policy on inciting nationalism and developing Belarusian collaborationism. The policy of "Belarusization" initiated by him included

the following ideologems: "the revival of Belarus", the resumption of religious and church life, the "revival" of Belarusian culture and language. "Belarusization" was supposed to be a means of winning the sympathies of the local population and thereby ensuring the fulfillment of the strategic and tactical plans of the Nazis on the land of Belarus. At the same time, the line pursued by Cuba to widely attract Belarusian collaborators and promote the "revival" of Belarus was at odds with the methods of occupation policy practiced by SS units and the police. Kube has repeatedly engaged in polemics with the higher leadership regarding the expediency of conducting punitive expeditions against the partisans, since they have negative political consequences. The actions of the SS and SD forces, which were not subordinate to the General Commissar of the district, against the civilian population turned all the efforts of Cuba in the field of propaganda into demagoguery. The special political line of Cuba, its commitment to "soft power" does not absolve him of responsibility for the crimes of the German Nazis on the Belarusian land. Wilhelm Kube was part of the political and administrative system of the Nazis, a member of the National Socialist Party, the direct executor of a number of ideological, political and economic tasks of the "Reich" in the East, and therefore the question of his "non-involvement" in the crimes of Nazism should forever remain rhetorical.

Key words: German propaganda, General District of Belarus, General Commissioner Wilhelm Kube, civil administration, the Great Patriotic War.

Elena Pushkarenko, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History and Documentation (Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia); e-mail: pushkarenko-elena@mail.ru.

Ivan Yanushevich, Candidate of Historical Sciences, Vice-rector for Educational Work and Social Issues (Belarusian State University, Minsk, Belarus); e-mail: ivan-jan@yandex.ru.

References

- Zagorul'ko M., Judenkov A. Krah jekonomicheskikh planov fashistskoj Germanii na vremenko okkupirovannoj territorii SSSR. M., 1970.
«Kottbus». Nacistskaja karatel'naja operacija v Belarusi, maj-ijun' 1943 g.: dok. i materialy. Minsk, 2018.
- Pushkarenko E. A. Nemeckaja politika i propaganda v oblasti kul'tury na territorii General'nogo okruga Belorussii v 1941-1944 godah // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2021. T. 21. Vyp. 2. S. 167-174.
- Turonak Ju. Belarus' pad njameckaj akupacyjaj. Minsk, 1993.

- Der prozess gegen Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Milit argerisshof Nürnberg 14 November 1945 – 10 Oktober 1946. Nürnberg, 1947.
- Hesse E.* Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel der deutschen Kampfanweisungen und Befehle. Gotingen-Zurich-Frankfurt, 1969.
- Kube W.* Weissruthenien: Ein Jahr Zivilverwaltung // Deutsche Zeitung im Ostland. 30.08.1942. № 237.
- Madajchyk S.* Faszyzm i okupacie 1938–1945. Wykoniwanie okupacji przez panstwa Osi w Europe. T. I. Poznan, 1983.
- Müller N.* Okkupation – Raub – Vernichtung: Dokumente zur Besatzungspolitik der faschistischen Wehrmacht auf sowjetischem Territorium: 1941 bis 1944 / Nrsg. v. N. Müller. Berlin, 1980.
- «Ostarbeiter» – «Ostarbajtery» Weißrussische Zwangsarbeiter in Österreich. Dokumente und Materialien. Prinuditel'nyj trud belorusskogo naselenija v Avstrii. Dokumenty i materialy. Minsk, 2003.
- Reitlinger G.* The house built on the sand. The conflicts of German policy in Russia 1939–1945. L., 1960.
- Torwald J.* Wen sie verbenden wollen. Bericht des grossen Verrats. Stuttgart, 1952.
- Trials of War Criminals before the Neurnberg Military Tribunals. Vol. XIII. Washington, 1952.

РОССИЯ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).08

Левина Ж. Е.

ХРИСТИАНСКАЯ ОСНОВА СИМВОЛИКИ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА*

Противопоставление одушевленного и бездушного, выделяется в основе символического ряда войны. Показывается, что христианское понимание культуры, как преодоление в «естественном» человеке природного начала порождает знаковый код войны в российской общественной мысли, государственных документах и художественном творчестве.

Ключевые слова: символы войны, образ врага, образ войны, военные преступления.

Общественная мысль XX в. отмечена активным осознанием особенностей нового «тоталитарного» (Й. Хейзинга) типа войны. Первая мировая война, поставившая вопрос о сохранении человечества, выявила противоречие между пониманием культуры и человека в христианской системе ценностей и реальностью. В христианской картине мира человек создан по образу и подобию Бога. Образ Божий явлен особо наглядно в человеке, божественной сущностью которого является душа¹. В единичной человеческой личности отражаются, как в зеркале, два мира: людское и вселенское, природа и человечество².

Преодоление в «естественном» человеке природного начала силой разума, внутреннего нравственного закона, эсте-

* Статья публикуется по материалам доклада, прочитанного на конференции «Символическое измерение военных и политических конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация)» (Пятые международные научные чтения «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии»), 14-15 декабря 2021 г., Санкт-Петербург.

¹ См. например: Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995. С. 38.

² Бицилли П. М. Указ. соч. С. 98.

тической, художественной деятельностью, характерно для понимания культуры в европейской науке до конца XX в. В основные составляющие духовной части культуры включали право, этику, мораль, политику.

Противопоставление природного и культурного, одушевленного и бездушного, антропоморфного и зооморфного выделяется в основе символического ряда войны как явления в работах Е. Трубецкого. В 1916 г. война воспринимается автором как обнажение мирового зла и бессмыслицы. Природное начало, в мирное время «скрытое», «замазанное», по словам Трубецкого, культурой, во время войны выступает с «циничной откровенностью». Жизнь человечества, вовлеченного в войну, Трубецкой сравнивает с дном аквариума, показывающего сцены из существования водяного жука, где главным содержанием было «взаимное пожирание существ» в качестве иллюстрации природы. В дни войны, по мнению автора, законы природы, «которые властвуют в мире животном», превращаются в принципы жизни человечества: «у кого сильнее челюсть, тот и прав». Сознание и воля человека «низводятся на степень орудий тех темных, низших, животных влечений, против которых они призваны бороться»³.

Аналогичный взгляд существовал и у западноевропейских ученых. Й. Хейзинга в 1938 г. писал, что современная война утратила свое место как элемент культуры. Нормы права, приличия, хорошего тона, как и понятие чести, приносились в жертву конъюнктурным политическим целям. «Высокоцивилизованные государства полностью игнорируют всеобщность международного права и без зазрения совести исповедуют *pacta non sunt servanda* (договоры не выполняются)»⁴.

Советская культура переносит понимание войны как открытого конфликта между культурой и природой, борьбой «естественного» и «культурного» в человеке, из глобальной плоскости в конкретные условия классовой борьбы. «Свои» в таком противопоставлении остаются людьми, а «чужие» отождествляются с миром животных. Сущностью «чужих» по

³ Трубецкой Е. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. М., 1993. С. 195-196.

⁴ Хейзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 235, 237.

определению считались агрессивность, непримиримость, патологическая жестокость, моральное разложение.

Зооморфные символы «чужих» и «своих» создает советское искусство и народное творчество. В произведениях сибирских литераторов 30-х гг. XX в. классовые враги часто получали характеристики представителей фауны или прямо уподоблялись отдельным видам животного мира. Казаки и Белая армия в целом ассоциировались с хищниками:

«тучей черною шла казачья стая»;

«...белая пехота рыщет по полям»;

«В тополином колке

Говорят, словаки

Спрятались как волки»⁵.

Кулаки сравниваются с пресмыкающимися:

«И по селам смутным

Весь кулацкий род

Выползает, будто

Гады из болот»⁶.

При изображении детей врагов, отдельные авторы выбирали такие художественные средства, которые должны были сформировать брезгливость или отвращение: «...Хозяйский ребенок напоминал ей противного паука. У него была синяя пупырчатая кожа...»⁷.

На выставке картин Ассоциации художников революционной России в 1928 г. в Омске тема Гражданской войны была представлена в основном произведениями, изображающими действия противника. Преобладали сюжеты, показывающие бесчеловечность врага: «Зверства Колчака» и др.⁸

Художник Н. Сверчков сознательно наполнял свои работы, посвященные, на взгляд неискушенного зрителя, исторической тематике, достаточно далеко отстоящей от антагонистических противоречий XX в., экзотической символикой своего и чужого мира: «Звериная сущность империализма ассоциировалась в моем представлении с самым диким и темным того времени, когда человек находился на стадии животного состояния. Ни с чем современным империализм и фашизм

⁵ Мангун А. Песня о Чапаеве // Сибирские огни. 1935. № 5. С. 119.

⁶ Мухачев И. Карло Тэтэнгоди // Сибирские огни. 1935. № 5. С. 57, 60.

⁷ Мисюров А. Румяное яблоко // Сибирские огни. 1935. № 5. С. 116.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1941. Оп. 1. Д. 265. Л. 4–6.

сравнить я не мог, поэтому воплотил их в образах диплодоков, ихтиозавров, плезиозавров и других существ, вид которых внушает отвращение»⁹. Сцены жизни первобытного человека, по замыслу автора, символизировали этапы развития человечества, создавая живописную интерпретацию теории Ч. Дарвина и работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса. «Утро» — изображен первобытный человек. Утро символично: это пробуждение человечества, начало истории разумного. Шкура на человеке — первый шаг человека в труде, сознательных действиях. Наступление дня неотвратимо, ночь животного состояния прошла. Картина «На страже» символизирует охрану этого дня, защиту завоеванного человеком пути к прогрессу. В картине «первобытная семья» изображена реальная группа людей — символ сплочения человеческого коллектива на Земле. «Если это так, утверждал я в этих картинах, если человеческое начало сумело победить силы первобытного хаоса, оно способно восторжествовать и ничто не остановит его на пути вперед, победа гуманизма, любви к жизни, человеческого разума неизбежна»¹⁰.

На тиражирование подобных символов нацеливала критика. Н. Острогорский рекомендовал писателям показать «всю силу звериной ненависти умирающего врага»¹¹.

Яркую иллюстрацию такого понимания врага дают советские плакаты и карикатуры периода Великой Отечественной войны, созданные художниками И. Тоидзе, В. Дени, Д. Моором, Б. Ефимовом, В. Корецким¹². Хрестоматийным стал плакат Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!». На конкурсе оборонного плаката в Челябинске в 1941 г. победил художник Ткачев с работой «Путь людоеда». Среди призеров был художник Алюхин: «Смерть фашистским стервятникам»¹³.

⁹ *Сверчков Н.* Счастье. Чебоксары, 1976. С. 76–77.

¹⁰ Там же. С. 76–77.

¹¹ *Острогорский Н.* О второй книге романа «Великое кочевье» // Сибирские огни. 1935. № 5. С. 156.

¹² См. например: Советские мастера сатиры. 1941–1945. М.; Л., 1946 [электронный ресурс]: URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6166073> (дата обращения: 15.12.2021).

¹³ *Коновалова Л.* Образ врага на листе советского плаката // Вестник Челябинский государственный университет. 2002. № 2. С. 181–183.

Образный ряд оказался востребованным и в языке международных отношений. Определения военных преступлений и преступников в дипломатических документах СССР основаны на противопоставлении человеческого и животного мира. Нота наркоминдела В. М. Молотова от 25 ноября 1941 г. озаглавлена «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных». 2 ноября 1943 г. была опубликована, принятая на конференции в Москве, «Декларация об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства», в соответствии с которой был создан Международный военный трибунал в Нюрнберге¹⁴.

Е. С. Сеньявская приходит к выводу, что по мере роста страданий и бедствий народа, в массовом сознании образ врага принимал черты жестокого, опасного, сильного зверя¹⁵.

В середине 1970-х гг., понимание врага, как представителя звериного мира сохраняется. Анализируя картины омского художника К. Н. Щекотова «Зоя Космодемьянская перед казнью», «Последняя ночь Зои», один из критиков характеризовал образ врагов так: «Враги написаны в скупых "мышиных" красках. Это звери в облике людей. Они воспринимаются как символ смерти. ...Солдат, ведущий Зою к месту казни, похож на тень смерти, на хищника, готового в любой момент броситься на свою жертву...»¹⁶.

Вторым вариантом «расчеловечивания» врага, признавая противника существом бездушным, является его механистическое представление. Классическим примером врага-машины или части технического орудия стало изображение крестоносцев С. Эйзенштейном. М. Геллер отмечал, что в фильме «Александр Невский» враги показаны как нелюди, лишённые человеческих черт¹⁷.

Таким образом, знаковый код войны, основанный на архетипических представлениях, отражает христианское понимание культуры, является базовым и отражается в российской общественной мысли, в советских государственных документах и художественном творчестве XX в.

¹⁴ 1946 год: Календарь справочник. М., 1946. С. 278, 282.

¹⁵ Сеньявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «Образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 53.

¹⁶ Ульянов Н. Е. Я видел прекрасное. Новосибирск, 1975. С. 16.

¹⁷ Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994. С. 116.

Источники и литература

- Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
- Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М., 1994.
- Коновалова Л. Образ врага на листе советского плаката // Вестник Челябинский государственный университет. 2002. № 2. С. 181-183.
- Мангун А. Песня о Чапаеве // Сибирские огни. 1935. № 5. С. 119-120.
- Мисюрев А. Румяное яблоко // Сибирские огни, 1935. № 5. С. 110-116
- Мухачев И. Карло Тэтэнгоди // Сибирские огни. 1935. № 5. С. 52-62.
- Острогорский Н. О второй книге романа «Великое кочевье» // Сибирские огни. 1935. N 5. С. 151-157.
- РГАЛИ. Ф. 1941. Оп. 1. Д. 265. Л. 4-6.
- Сверчков Н. Счастье. Чебоксары, 1976.
- Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: эволюция «Образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.
- Советские мастера сатиры. 1941-1945. М.-Л., 1946 [Электронный ресурс]: URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6166073> (дата обращения: 15.12.2021).
- Трубецкой Е. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи // Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. М., 1993. С. 195-219.
- Ульянов Н. Е. Я видел прекрасное. Новосибирск, 1975.
- Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. 1946 год: Календарь справочник. М., 1946.

Левина Жанна Ефимовна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории (Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия); эл. почта: zhlevina55@yandex.ru.

The Christian Basis of the Symbolism of War in the National Culture of the First Half of the XX Century

In the Christian global picture, a man is created in God's likeness. In a single human personality, as in a mirror, two worlds are reflected: human and universal, nature and humanity. Overcoming the natural principle in a "natural" person by the power of reason, internal moral law, aesthetic, artistic activity is characteristic of the understanding of culture in European science until the end of the XX century. E. Trubetskoj distinguishes the juxtaposition of natural and cultural, animate and soulless, anthropomorphic and zoomorphic at the heart of the symbolic

series of war. A similar view existed among Western European authors. J. Huizinga wrote that modern war had lost its place as an element of culture. Zoomorphic symbols of "strangers" are created by Soviet and folk art. The figurative series turned out to be in demand in the language of international relations. The definitions of war crimes and criminals in the diplomatic documents of the USSR are based on the opposition of the human and animal world. The second option of "dehumanizing" the enemy is its mechanistic representation. A classic example of an enemy – a machine or part of a technical tool was the image of the crusaders by S. Eisenstein. The iconic code of war, based on archetypal ideas, is the basic one for Russian culture and is reflected in Russian public thought, in Soviet state documents and artistic creativity of the early XX century.

Key words: symbols of war, image of the enemy, image of war, war crimes.

Zhanna Levina, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History (Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia); e-mail: zhlevina55@yandex.ru.

References

- Bicilli P. M. *Jelementy srednevekovoj kul'tury*. SPb., 1995.
- Geller M. *Mashina i vintiki. Istorija formirovanija sovetskogo cheloveka*. M., 1994.
- Konovalova L. Obraz vruga na liste sovetskogo plakata // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2002. № 2. S. 181–183.
- Mangun A. Pesnja o Chapaevе // Sibirskie ogni*. 1935. № 5. S. 119–120.
- Misjurov A. Rumjanoe jabloko // Sibirskie ogni*, 1935. № 5. S. 110–116
- Muhachev I. Karlo Tjetjengodi // Sibirskie ogni*. 1935. № 5. S. 52–62.
- Ostrogorskij N. O vtoroj knige romana «Velikoe kochev'e» // Sibirskie ogni*. 1935. N 5. S. 151–157.
- Sverchkov N. Schast'e*. Cheboksary, 1976.
- Senjavskaja E. S. Protivniki Rossii v vojnah XX veka: jevoljucija «Obraza vruga» v soznanii armii i obshhestva*. M., 2006.
- Sovetskie мастера satiry. 1941–1945. M.-L., 1946 [elektronnyj resurs]*. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/books/6166073> (data obrashhenija: 15.12.2021).
- Trubeckoj E. Umozrenie v kraskah. Vopros o smysle zhizni v drevnerusskoj religioznoj zhivopisi // Filosofija russkogo religioznogo iskusstva XVI–XX vv.* M., 1993. S. 195–219.
- Ul'janov N. E. Ja videl prekrasnoe*. Novosibirsk, 1975.
- Hejzinga J. Homo ludens. V teni zavtrashnego dnja*. M., 1992.
- 1946 god: *Kalendar' spravochnik*. M., 1946.

Цыкалов Д. Е.

СИМВОЛЫ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ В. Ф. ЭРНА ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В статье проанализированы публикации В. Ф. Эрна 1914–1917 гг. Показано, что философ использовал эротические символы для формирования образа врага и национальной идентичности. «Маскулинной» и жестокой Германии он противопоставлял гендерно-гармоничную и миролюбивую Россию.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Германия, Европа, символы мужского и женского, насилие, миролюбие, образ врага, национальная идентичность, неославянофильство.

«Превращение мысли в зрительные образы» — это фрейдовское определение символизации¹ довольно точно характеризует стиль Владимира Францевича Эрна — русского религиозного философа начала XX в.

Свой тип мысли Эрн называл «логизмом», и «всесторонний символизм» (речь идет о символизации действительности) играл ключевую роль в его религиозно-философской системе. «Логизм» был производным от «логоса» (принцип философии православного Востока) — разума, сосредоточенного на внутренних ценностях, которому Эрн противопоставлял «ratio» (принцип западной мысли в новое время) — формальный рас­судок, направленный исключительно на решение проблем, имеющих для человека чисто внешний характер².

Однако несмотря на значимость символики в дискурсе русского философа, этот пласт его творчества историками общественной мысли практически не исследован. Особенно изобиливал символами дискурс Эрна в годы Первой мировой войны.

* Статья публикуется по материалам доклада, прочитанного на конференции «Символическое измерение военных и политических конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация)» (Пятые международные научные чтения «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии»), 14–15 декабря 2021 г., Санкт-Петербург.

¹ Фрейд З. Толкование сновидений. М., 1913. С. 391.

² Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 290–293.

Фундаментальную историческую антиномию логоса и ratio мыслитель эскизно очертил еще в довоенных работах. В борьбе Эрн с западноевропейским рационализмом за логос оппоненты философа усмотрели возрождение славянофильской антитезы Востока и Запада, противопоставление западной «рассудочности» восточной «цельности». Хотя философ и считал себя учеником славянофилов, все-таки он в отличии от своих предшественников противопоставлял не две культуры, не Россию и Запад, а два познавательных начала — логос и ratio³. К тому же Эрн признавал онтологическое родство между католичеством и православием. Католичество, считал он, так же «динамично» и так же «логично», как и православие. Это положение становится очень важным, когда мыслитель рассуждает о духовных основах западной культуры. Современный Запад противоречив, в нем сталкиваются два потока. Первый, более глубокий и древний, включает традиции католичества, мистики, искусства, продолжая без перерывов линию вселенской культуры. Второй поток, связанный с первым, но более характерный для нового времени и пропитанный рационализмом, вырождается в цивилизацию и несет культуре смерть.

Однако внешней мысли Запада, не знающей логоса, не дано осознать трагическую раздвоенность современной европейской культуры. Россия в силу своего «среднего» положения между Западом и Востоком соединяет в себе два враждебных друг другу потока и, по мнению Эрн, только она, имеющая и логос и ratio внутри себя (и этим отличающаяся от внешней цивилизации нового Запада, не способной «увидеть и осознать врага»), может подготовить и осуществить решительную битву между этими двумя историческими началами.

Годы Первой мировой войны стали для мыслителя катализатором идей и, в какой-то степени, подтвердили теории довоенных лет наглядно. Массовый патриотический энтузиазм первых месяцев войны и звучавшие в выступлениях интеллигенции славянофильские мелодии вдохновили его на серию статей и лекций, собранных позднее в книгах «Меч и крест» и «Время славянофильствует»⁴. При этом сам мыслитель не принимал крайнего славянофильства. Он подчеркивал: «Старая антитеза Россия и Европа вдребезги разбивается настоящей

³ Эрн В. Ф. Указ. соч. С. 113.

⁴ Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 1997. С. 113.

войной, и в то же время из-под ее обломков с непреоборимой силой поднимаются новые антиномии, новые всемирно-исторические противоположения и новые духовные задачи»⁵.

Какой же представлял Эрн новую всемирно-историческую конфигурацию?

Мыслитель воспринял войну со свойственным ему эсхатологическим взглядом на историю, как обрушившуюся на человечество катастрофу, несущую гибель старому миру и одновременно знаменующую собой восход «последнего дня всемирной истории». Он пишет о наступлении нового жизненного цикла. В его ощущении человечество вступало в «славянофильский эон» своей истории, и определяться новая конфигурация всемирно-исторических начал отныне будет «вселенской идеей» или идеей «всечеловечности». Эта идея, замечал Эрн, была гениально сформулирована Ф. М. Достоевским в Пушкинской речи: «Народ <...> наш <...> заключает в душе своей <...> склонность к всемирной отзывчивости и к всепримирению <...> русская душа <...> гений народа русского, может быть, наиболее способны, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия»⁶.

Славянофильствует, писал Эрн, жизнь и время, а не люди с их отвлеченными теориями. Неслучайным, в связи с этим, мыслитель находил (в точности по «славянофильскому рисунку») распад Европы на два враждующих стана. О противоречивости духовной основы Запада Эрн писал несколькими годами раньше, однако в этот раз он предпочел напомнить, что идею «двух Европ» развивали еще славянофилы XIX в., отделявшие «гниющий Запад» от «страны святых чудес». Мировая катастрофа сделала противоречие, заключенное в недрах европейской культуры нового времени, ясным для всех. Наметившееся в начале войны в странах-союзниках России — Англии, Франции и Бельгии — массовое возвращение к религии Эрн воспринимал свидетельством пробуждения «онтологического» начала европейской культуры.

⁵ Эрн В. Ф. Указ. соч. С. 372.

⁶ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1978. Т. 26. С. 129–131.

Что касается врага России — Германии, то эту страну с ее милитаризмом и проповедью вседозволенности он считал самой яркой представительницей «феноменалистической» линии Запада. Именно против Германии и «ее адского замысла», по мнению Эрна, ведет войну Россия и «все онтологическое в Европе»⁷ — на поле боя, «лицом к лицу» встречаются «две мысли, два самоопределения, два лика самой Европы <...> Европа и ее двойник»⁸.

Эрновская критика германизма, таким образом, в конечном счете, была направлена против мировоззренческих основ механической цивилизации в целом.

Анализ символики в дискурсе Эрна уместно начать с его самого известного философского фельетона — «От Канта к Крупшу»⁹, в котором он пришел к парадоксальному выводу о том, что пушки Крупша, т.е. агрессивная милитаризация Германии — зеркальное отражение немецкой ментальности, одним из истоков которой является философия Канта (среди прочего автора трактата «к вечному миру», т. е. о том как искоренить войны)¹⁰. Для доказательства своих умозаключений Эрн использовал символы с эротическим подтекстом. «Сокровенная» сущность немецкого феноменализма и «корневой смысл» кантовской философии у Эрна заключается в гипермаскулинности: «отвлеченной мужественности», «оторванности от женственного начала», от природы, что коррелирует с символическим значением, которое мыслитель придавал крупшовским пушкам, как символу разрушения, насилия и агрессии.

Довольно отчетлива и связь «Крупша» с символом «меча» — центральным эрновским образом германизма в мировой войне. Как «меч», так и «орудия Крупша» определенно фаллические символы, то есть обозначают мужское начало, которое в этом случае является не конструктивным, а напротив «секущим», разрушающим и деструктивным. В свою очередь, крупшовские пушки — это «меч» отпавшей от Бога технической

⁷ Эрн В. Ф. Указ. соч. С. 391.

⁸ Там же. С. 373.

⁹ Доклад был прочитан Эрном на публичном заседании Религиозно-философского общества (РФО) памяти В. С. Соловьева 6 октября 1914 г.

¹⁰ Подробный анализ статьи В. Ф. Эрна см.: Шерпер Ю. Неославянофильство и германофобия: Владимир Францевич Эрн // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 84–96.

цивилизации, который несет смерть христианской культуре — «кресту». В символическом аспекте «Кант» и «Крушп», таким образом, есть «зло» и насилие над «женственностью» — действительностью, осуществляемое немецкой культурой одновременно в двух сферах бытия: «духовной» и «физической»¹¹. Нарисованный Эрном образ «насильничества» представляет собой традиционный славянофильской мотив, противопоставляющий «женскому» началу русской культуры враждебное «мужское» начало западноевропейского мира¹². Весьма характерно, однако, что истоки «насильничества» Эрн усматривал в религиозности немцев, ограничивая враждебные черты западного мира исключительно немецкой культурой.

Выступление Эрна против «чудовищной модальности» немецкой культуры вызвало в печати разноречивую реакцию.

Опубликованная на страницах «Русской мысли» «резкая» и «пристрастная» статья «От Канта к Крушпу», по свидетельству философа В. В. Зеньковского, буквально «шокировала читателя»¹³. Откликом на доклад, вероятно, стала карикатура под названием «Неокантианец», появившаяся вскоре после заседания РФО в «Утре России». На рисунке Вильгельм II, с видом глубокого удовлетворения поглаживая окантовку на рукаве своего кителя, восклицал: «О, кант! Кант — это все!»¹⁴.

Подтекст в том, что слова «кант» и «крушп» помимо немецких фамилий могут обозначать разную непотребщину. В английском языке *sunt* — грубое, непристойное слово, означающего женские гениталии. Что касается слова *coupe*, то с французского языка на русский оно переводится как «задница». Эрн прямо не указывал на подобный подтекст, однако такой ход мыслей невольно напрашивается после знакомства с

¹¹ Эрн В. Ф. Указ. соч. С. 321.

¹² Сравни, например, с рассуждениями Н. Я. Данилевского о «насильственности» и «индивидуализме» романо-германского типа. На эту тему также см.: *Барбанов Е. В.* Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 102–116; *Рябов О.* Поляки и русские в идентификационных стратегиях российской пропаганды Первой мировой войны // *Dusza polska i rosyjska. Spojrzzenie wspolczesne*, pod redakcja Andrzeja de Lazari i Romana Bacchera. Lodz, 2003. S. 191–208 [Электронный ресурс]: URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/polyaki-i-russkie-v-pmv.htm> (дата обращения: 15.12.2021).

¹³ Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 113.

¹⁴ Утро России. 1914. 26 октября. № 262.

рассуждениями про «некое глубинное расстройство того, что может быть названо половым моментом национально-коллективной жизни» или о конкубинате как «блудном сожительстве» познающего и познаваемого в кантианстве.

Примечательно, что истоки «расстройства» философ связывал с лютеранством. Именно Лютер, по мнению Эрна, предшественник Канта, догматами своего вероучения «перерезал живое духовное питание немецкого организма небесной женственностью Пресвятой и Пренепорочной Девы-Матери»¹⁵.

Русская символика у Эрна в отличие от немецкой внутренне гармонична и не имеет гротескного содержания. Немецкому мечу он противопоставляет русский крест — символ пересечения противоположностей, мирового единства и победы духа над материей.

Если немецкая религиозность у Эрна связана с символикой насилия и смерти, то русский религиозный тип олицетворяет символ любви и жизни — Эрос. Отождествление России с древнегреческим божеством любви приобретает у философа очередной символический подтекст. Суть мировой войны раскрывается в противопоставлении «народного духа» России «германизму», который олицетворяет Арес — бог войны, разрушения и ненависти. Заключенный здесь смысл можно понимать как противоборство экзистенциальных ценностей: жизни и смерти¹⁶.

¹⁵ Эрн В. Ф. Указ. соч. С. 325. Интересно сопоставить выводы, сделанные отечественным мыслителем с результатами исследований психоаналитического направления в современной исторической психологии. Это научное течение занимается изучением роли коллективного бессознательного, как в исторической судьбе того или иного народа, так и в жизни конкретного человека. Кроме того, традиционно большой интерес для психоаналитиков представляет вопрос о сексуальных комплексах великих людей, о том, как их «глубинные» переживания отразились на ходе исторического процесса. В частности, этой проблеме посвящена работа «Молодой Лютер», написанная известным американским психоисториком Э. Эриксоном. По версии этого автора, одаренный, но основательно озабоченный молодой человек XVI в. превратил свой комплекс в факт европейской цивилизации. Характерно, что согласно Э. Эриксону, лютеровская идентичность формировалась в отталкивании от католической идеологии. См.: Эриксон Э. Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М., 1996.

¹⁶ Эрн В. Ф. Указ. соч. С. 384.

Эрос популярных древнегреческих мифов — крылатый мальчик, из лука разящий врагов стрелами любви, намекает, кроме того, вероятно, на отряд Михаила Архангела. Когда-то Архистратиг Михаил спас Новгород от разграбления монгольской ордой, он явился Батью и запретил хану идти на город. Архангел победитель в битве с Люцифером, небесный защитник православных христиан от врагов и злых духов.

Вместе с тем образ Эроса Эрн понимал в платоновской трактовке. А платоновский Эрос имеет противоречивый характер: он приходится сыном чрезвычайно непохожим родителям — богу богатства и изобилия Поросу и богине бедности и нищеты Пенни. Эрос «беден и, вопреки распространенному мнению, совсем не красив и не нежен, а груб, неопрятен, не обут и бездомен <...> и, как истинный сын своей матери, из нужды не выходит. Но, с другой стороны, он по-отцовски тянется к прекрасному и совершенному, он храбр, смел и силен <...> он всю жизнь занят философией <...> в один и тот же день он то живет и расцветает, если дела его хороши, то умирает, но, унаследовав природу отца, оживает опять»¹⁷. Миф Платона — аллегория вечного стремления человека к Богу, уподобление России Эросу, в этом смысле, возможно, указывает и на ее религиозно-мессианское призвание.

Платоновский миф об Эросе, вообще, один из изблюбленных философских образов Эрна, который, очевидно, помимо символического контекста привлекал мыслителя и своим динамизмом¹⁸. Так, по Эрну, в основе народного духа России — единство противоположных сил, «сплетение антиномических даров»: «Пороса — Изобилия» и «Пенни — Бедности и Нищеты». В этом противоречии заключается главная загадка России. С одной стороны, православная Россия — «страна величайшего напряжения духовной жизни». В ее сердце — духовное изобилие, «вечная Фиваида» — «неявленная явь святой Руси». Однако, с другой стороны, «с виду», в русской жизни «ровно ничего как будто не происходит». Потому что Пенни облакает высокие духовные достижения в «рабий зрак». «С ревностью и заботою» она «убирает их нищетою, незаметностью, каким-то

¹⁷ См.: Платон. Сочинения в 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 133–134.

¹⁸ Например, см. работы В. Ф. Эрна «Природа философского сомнения» и «Смысл онтологизма Джоберти в связи с проблемами современной философии».

феноменологическим «отсутствием»¹⁹. Для тех, кто понимает Россию как феномен, «покровы Пении последняя действительность, за которой они ничего не чувствуют, и божественные дары невидимости и закрытости для них просто небытие и отсутствие». Русские носители феноменалистического мышления, поэтому «пребывают в самом решительном и тонком отрыве от народа»²⁰. Поэтому проникнуть в ноумен народного духа, «можно лишь "верою", лишь любовью»²¹. Порос и Пения, таким образом, не только «внутреннее» и «внешнее», но и два способа восприятия русской жизни. Поэтому вопрос о духовной сущности России Эрн связывает с проблемой «интимного самочувствия», внутреннего самосознания русского человека²².

Таким образом, Эрн использует символику мужского и женского для формирования образа врага и национальной идентичности. С помощью символов он показывал межкультурные германо-русские противоречия, которые считал главной осью войны. Причиной вооруженного конфликта стала якобы интимная дисгармония немецкого сознания, вызвавшая физическую агрессию против России и других европейских держав. «Маскулинной», жестокой и варварской Германии Канта и пушек Крушпа противостоит гендерно-гармоничная и миролюбивая Россия Креста и Эроса. Разнополярная русская символика противоположна карикатурной немецкой. Одновременно, если использовать терминологию Леви-Стросса, русские играют роль «медиатора» в конфликте. Функция русского — «воскресить» в самом Западе «его онтологические моменты», т. е. вернуть веру в Бога и соединить распавшиеся части. Итогом войны и символической битвы мировых начал должно стать рождение нового «славянофильского зона». Вести к торжеству идеи «всечеловечности» будет Россия, в большей степени, чем другие народы сохранившая онтологическую ментальность²³.

Несмотря на германофобию, порожденную войной, теории Эрна предвосхитили такие научные направления как психоистория, структурализм, история ментальностей. Эрновскую критику западной цивилизации разделяли евразий-

¹⁹ Эрн В. Ф. Указ. соч. С. 384.

²⁰ Там же. С. 386.

²¹ Там же. С. 385.

²² Там же. С. 384.

²³ Там же. С. 398.

цы. Интересно оценить прогнозы мыслителя на поствоенное мировое развитие в исторической ретроспективе. Фактически Эрн предсказал культурную глобализацию, но по альтернативному проекту.

Источники и литература

- Барабанов Е. В. Русская философия и кризис идентичности // Вопросы философии. 1991. № 8. С. 102–116.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1978. Т. 26.
- Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. М., 1997.
- Платон. Сочинения в 3 т. М., 1970. Т. 2.
- Рябов О. Поляки и русские в идентификационных стратегиях российской пропаганды Первой мировой войны // Dusza polska i rosyjska. Spojrzenie wspolczesne, pod redakcja Andrzeja de Lazari i Romana Backera. Lodz, 2003. S. 191–208 [электронный ресурс]. URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/polyaki-i-russkie-v-pmv.htm> (дата обращения: 15.12.2021).
- Утро России. 1914. 26 октября. № 262.
- Фрейд З. Толкование сновидений. М., 1913.
- Шеррер Ю. Неославянофильство и германофобия: Владимир Францевич Эрн // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 84–96.
- Эриксон Э. Г. Молодой Лютер. Психоаналитическое историческое исследование. М., 1996.
- Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991.

Цыкалов Дмитрий Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры управления и гуманитарных дисциплин, (Московский инновационный университет, Москва, Россия); эл. почта: detsyk@mail.ru.

Male and Female Symbols in the Publicism of V. F. Ern During the First World War

Symbolism was playing an important role in the discourse of the Russian religious philosopher Vladimir Frantsevich Ern. However, this part of his work has hardly been studied by historians of ideas. Ern's discourse especially abounded in symbols during the First World War. The aim of this paper is to analyze the male and female symbols in the war publicism of Vladimir Ern.

Ern used the symbolism of male and female to form the image of the enemy and national identity. In his opinion, the supposedly the reason for the armed conflict was erotic disharmony of the German consciousness. This caused physical aggression on the part of Germany against Russia

and other European powers. "Masculine", cruel and barbaric Germany of Kant and the Krupp guns opposed to gender-harmonious and peaceful Russia of the Cross and Eros. The different-polar Russian symbolism is the opposite of the caricatured German one. The Russians, at the same time, to use Levi-Strauss terminology, was playing the role of a "mediator" in the conflict. The function of the Russian was to "revive" into the West itself its "ontological moments", i.e., to restore faith in God and unite the disintegrated parts of the European continent.

The result of the war, as well as the symbolic battle of the world principles, should be the birth of a new "Slavophile" "aion". Russia, which has preserved the ontological mentality to a greater extent than other nations, will lead the peoples to the triumph of the idea of "panhumanism" (vsechelovechnost').

Despite the Germanophobia generated by the war, Ern's theories anticipated such scientific directions as psychohistory, structuralism, and the history of mentality. His criticism of Western civilization was shared by the Eurasians. It is interesting to assess the thinker's prognoses about post-war world development in historical retrospect. In fact, Ern predicted cultural globalization, but according to an alternative project.

Key words: World War I, Russia, Germany, Europe, male and female symbols, violence, peacefulness, enemy image, national identity, neo-Slavophilism.

Dmitry Tsykalov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Humanities (Moscow Innovation University, Moscow, Russia); e-mail: detsyk@mail.ru.

References

- Barabanov E. V. Russkaja filosofija i krizis identichnosti // Voprosy filosofii. 1991. № 8. S. 102–116.
- Dostoevskij F. M. Polnoe sobranie sochinenij: v 30 t. L., 1978. T. 26.
- Zen'kovskij V. V. Russkie mysliteli i Evropa. M., 1997.
- Platon. Sochinenija v 3 t. M., 1970. T. 2.
- Rjabov O. Poljaki i russkie v identifikacionnyh strategijah rossijskoj propagandy Pervoj mirovoj vojny // Dusza polska i rosyjska. Spojrzenie wspolczesne, pod redakcja Andrzeja de Lazari i Romana Backera. Lodz, 2003. S. 191–208 [Elektronnyj resurs]: URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/olegria/polyaki-i-russkie-v-pmv.htm> (data obrashhenija: 15.12.2021).
- Utro Rossii. 1914. 26 oktjabrja. № 262.
- Frejd Z. Tolkovanie snovidenij. M., 1913.
- Sherrer Ju. Neoslavjanofil'stvo i germanofobija: Vladimir Francevich Jern // Voprosy filosofii. 1989. № 9. S. 84–96.
- Jerikson Je. G. Molodoj Ljuter. Psihoanaliticheskoe istoricheskoe issledovanie. M., 1996.
- Jern V. F. Sochinenija. M., 1991.

Гребенкин А. Н.

СИМВОЛЫ И РИТУАЛЫ В ЖИЗНИ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ШКОЛЫ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ЭМИГРАНТСКОГО РАССЕЯНИЯ

В статье рассмотрено влияние событий Революции 1917 г. и Гражданской войны на символы и ритуалы воспитанников российских военно-учебных заведений. Оно проявлялось как в возникновении деструктивных моделей поведения, так и в сплочении воспитанников и их наставников в дружную семью.

Ключевые слова: Русское Зарубежье, кадетские корпуса, символы, ритуалы, традиции.

Сразу же после событий февраля 1917 г. кадеты и юнкера добровольно приняли на себя роль защитников императорской России. Символы принадлежности воспитанников к старой армии — форма, погоны, знамена — стали символами борьбы с новой властью. Их ценность вследствие переосмысления многократно возросла. Так, в Пажеском корпусе прежние погоны были заменены знаками различия защитного цвета с красной тесьмой вместо золотого галуна. Пажи выступили категорически против этого нововведения и сумели отстоять старые золотые погоны, на которых, разумеется, уже не было императорских вензелей. Еще более категоричны были питомцы военных училищ. После того, как юнкера получили приказание соскоблить со своих погон трафаретное изображение императорских корон над вензелями, почти все воспитанники Павловского и Константиновского училищ не стали этого делать. В юнкерской традиционной песне «Журавель» появилось новое двустишие: «Кто защитники короны? Константинцы и Павлоны!»¹.

* Статья публикуется по материалам доклада, прочитанного на конференции «Символическое измерение военных и политических конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация)» (Пятые международные научные чтения «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии»), 14-15 декабря 2021 г., Санкт-Петербург.

¹ Терентьев В. Константиновское артиллерийское училище за время от первого выступления большевиков... // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» имени А. И. Солженицына. Ф. 1. Е-17. Л. 6.

Когда в августе 1917 г. кадетские корпуса были переименованы в гимназии военного ведомства, вышло постановление о снятии погон и сдаче знамен. Кадеты, теперь уже бывшие, сопротивлялись до последнего: сначала они согласились срезать погоны с шинелей и лишь много позже согласились расстаться с погонями на мундирах². Лишаясь символов принадлежности к военно-учебному ведомству, воспитанники утрачивали и свой статус, обращаясь в маргиналов. Воронежец Г. Гуторович отмечал: «без погон и кокард, в шинелях с пуговицами, обернутыми в черную материю, кадеты стали похожи скорее на каких-то воспитанников исправительных заведений...»³. Поэтому погоны, как главную принадлежность формы, символизирующую связь воспитанника с родным корпусом, решено было сохранить. Например, в Омском корпусе погоны всех кадет были сложены в гроб, который старшекласники зарыли в укромном месте. После стычек с частями РККА кадеты и юнкера старались снять погоны со своих убитых товарищей, так как красноармейцы глумились над знаками различия, вешая их на хвосты лошадей⁴.

Корпусные знамена, подлежавшие уничтожению, воспитанники также стремились спасти, зачастую рискуя при этом своей жизнью. Бывший питомец Михайловского Воронежского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища Анатолий Марков писал в своих мемуарах: «Знамя Орловского Бахтина корпуса тайно было унесено из храма офицером-воспитателем подполковником В. Д. Трофимовым, совместно с двумя кадетами и спрятано в надежном месте при очень трудных обстоятельствах... В Воронежском корпусе кадеты строевой роты тайно вынесли из храма знамя, а на его место в чехол положили простыню. Исчезновение знамени красные заметили лишь тогда, когда оно находилось уже в надежном месте, откуда было затем вывезено на Дон»⁵. Знамена

² Павлов Б. Конец 2-го Московского императора Николая I кадетского корпуса // Кадеты и юнкера в белой борьбе. М., 2003. С. 27.

³ Гуторович Г. Воронежский кадетский корпус с революции и до последних дней // Кадетская переключка. 1980. № 24. С. 60.

⁴ Черешнев В. Последний павлон // Первый кубанский (Ледяной) поход. М., 2001. С. 736.

⁵ Кадеты и юнкера. Кантонисты. А. Марков. Кадеты и юнкера; В. Н. Никитин. Многострадалные. М., 2001. С. 87.

Симбирского и Полоцкого корпусов, хранившиеся в церкви Симбирского корпуса, были тайно вынесены двумя кадетами, закопаны на корпусном плацу, затем с предосторожностями выкопаны и переданы сестре милосердия Е. В. Свирчевской-Овстрахт, которая привезла их в Царицын и передала в штаб Кавказской армии. Впоследствии знамена были перевезены в Югославию. Воспитанники, спасшие их, под давлением большевистского комиссара корпуса, угрожавшего массовыми казнями, признались в содеянном и были расстреляны.

Новые символы власти вызвали у кадет и юнкеров ярко выраженную реакцию отторжения. Анатолий Марков писал: «Красный флаг, заменивший русский национальный, они сочли, с первых же дней его появления, тем, чем он в действительности и был, а именно грязной тряпкой, символизирующей насилие, бунт и надругательство над всем для них дорогим и священным»⁶. В Морском кадетском корпусе триколор по распоряжению новых властей был перевернут красной полосой вверх. Воспитанники были потрясены и возмущены таким надругательством над национальной святыней.

Были и случаи открытого выступления против новых символов власти. В Михайловском Воронежском кадетском корпусе кадеты в день отречения Николая II сорвали красное знамя, вывешенное служителями заведения. Еще более вызывающе вели себя одесситы. 10 апреля 1917 г. в Одессу с визитом прибыл военный министр А. И. Гучков. По этому поводу был устроен революционный парад. В состав парадных расчетов были включены воспитанники Одесского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса. Они, как и все участники парада, должны были идти в строю под красными знаменами. Однако кадеты-одесситы, не желая покрывать себя позором, сожгли полотнища, доставленные в корпус накануне торжества. Рассвирепевший Гучков приказал мятежникам пройти в парадном строю с уцелевшими древками. Однако воспитательное воздействие этой меры оказалось диаметрально противоположным: «кадеты прошли мимо министра не сконфуженными за свой поступок, а гордыми тем, что они безбоязненно проявили свое отношение к революции и всем революционным эмблемам, которые для них были позорны-

⁶ Кадеты и юнкера. Кантонисты. А. Марков. Кадеты и юнкера; В. Н. Никитин. Многострадальные. М., 2001. С. 86.

ми, и верность принципам, привитым им в корпусе, основным из которых было: "За Веру, Царя и Отечество"⁷.

Временное правительство 2 марта 1917 г. утвердило «Марсельезу», до революции являвшуюся символом вольнодумства, в качестве государственного гимна. Кадетские корпуса объявили новому гимну бойкот. Оркестры, состоявшие из воспитанников, саботировали приказы исполнять «Марсельезу» во время торжественных церемоний. В качестве оправдания оркестранты говорили, что у них слишком мало времени для изучения такого сложного произведения.

Неприятие вызывала и фигура главы государства: большинство кадет и юнкеров были приверженцами монархии. Бывший кадет-пскович В. Айзов вспоминал: «Как возможно, рассуждали мы, проходить церемониальным маршем перед президентом республики и лихо салютовать ему шашкой. Президент, презренный шпак, представлялся нам в куцем пиджаке, с перхотью на воротнике и в брюках в полоску. И вывод напрашивался один, хотя никто его не высказывал, что без Царя Россия тоже будет куцей, неуютной и нескладной»⁸. Присягая на верность Временному правительству, некоторые воспитанники держали в кармане кукиш и тихо произносили перед каждым обязательством частицу «не».

К символам императорской власти, которые и до революции пользовались большим уважением, воспитанники стали относиться как к настоящим святыням. Когда участники революционных шествий проходили мимо кадетских корпусов, воспитанники в знак протеста открывали окна и громко пели «Боже, Царя храни»⁹. Кадеты 1-го Сибирского Императора Александра I кадетского корпуса «не допустили служителей снять со стен портреты Царской Фамилии, не сняли с погон вензеля своего шефа, императора Александра I, по-прежнему пели молитву о здравии Государя и Его Августейшей Семьи и с особой отчетливостью отдавали честь офицерам, в нарушение всех революционных приказов»¹⁰.

⁷ Одесский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899–1924. Нью-Йорк, 1974. С. 86.

⁸ Айзов В. Последние дни корпуса во Пскове // Досуг кадета-псковича (на правах рукописи). Февраль 1957. Париж, 1957. С. 25.

⁹ Голеевский Н. Симбирский кадетский корпус до и в дни революции // Кадеты и юнкера в белой борьбе. М., 2003. С. 39.

¹⁰ Кадетская песня // Кадетская переписка. 1974. № 9. С. 13.

Настоящий подвиг совершили кадеты 3-го Московского корпуса. Когда в заведение пришло распоряжение о снятии царских портретов, они встали возле них в караул и простояли так в течение трех суток без пищи, сна и отдыха. Лишь после долгих уговоров директора кадеты согласились снять портреты, торжественно, в сопровождении оркестра, игравшего «Боже, Царя храни», отнести их в музей корпуса и повесить там на почетном месте¹¹. Воспитанники любыми способами старались подчеркнуть свою символическую связь с рухнувшей монархией. В Хабаровске «у многих кадет портреты государя появились на внутренних крышках парт. Миниатюры царских фотографий вставлялись в крышки карманных часов. Монархические эмблемы в виде двуглавых орлов и императорских корон стали приделываться к портупеям и ножнам для штыков»¹².

Гражданская война способствовала появлению новых символов и ритуалов, закреплявших в коллективной памяти наиболее значимые для воспитанников эпизоды противостояния. В 1920 г. в Одесском корпусе появились «две новые традиции, преследовавшие цель укрепить в кадетских сердцах память о родном корпусе и его "Голгофе"»¹³. Традиционным цветком воспитанников стал василек, схожий по цвету с их погонами. С тех пор букетики васильков украшали стол в дни корпусных праздников, бывшие кадеты вдевали васильки в свои петлицы, из этих же цветков изготавливались бутоньерки для присутствовавших на торжествах дам. Вторая традиция была связана с эвакуацией корпуса из Одессы в Аккерман в январе 1920 г. Вице-фельдфебель 15-го выпуска с одним из товарищей отстал от колонны и, чтобы понять, в каком направлении ушел корпус, вынужден был разрывать кучи конского навоза, определяя его свежесть. С тех пор в повседневной жизни вице-фельдфебель здоровался левой рукой, ибо его правая рука считалась запачканной.

¹¹ Горская (Переверзева) Н. С. Воспоминания // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» имени А. И. Солженицына. Ф. 1. А-64. Л. 4.

¹² Сейфуллин В. В. Отношение к революции кадетов Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» имени А. И. Солженицына. Ф. 1. А-115. Л. 1.

¹³ Одесский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус... С. 335.

Преждевременное знакомство кадет и юнкеров со смертью, кровью, изнанкой фронтовой жизни, а затем разлука с Родиной привели к формированию деструктивных, неразрывно связанных с танатосом моделей поведения. Удары, нанесенные по еще не устоявшейся психике, наложились на юношеский максимализм, который, как известно, не терпит компромиссов. Поэтому морально изувеченные воспитанники в отсутствие минимальной психологической поддержки были не в силах приспособиться к резко изменившимся условиям и не понимали, что им нужно делать. Многие потеряли вкус к жизни, опустились, их поведение приняло ярко выраженную криминальную окраску. Цинизм, распущенность, полное пренебрежение к своему внешнему виду, ложь офицерам, сопротивление начальству, воровство, безудержное пьянство, дромомания — вот далеко не полный перечень пороков, которые были приобретены кадетами во время борьбы с большевиками и последовавших за ней беженских скитаний. Своеобразной «визитной карточкой» кадет в начале 1920-х гг. стало бравирование своим «отчаянным» поведением, имевшее ярко выраженную демонстративную форму. Воспитанники открыто меняли на рынках форменную одежду и постельное белье на еду и выпивку, сбегали с занятий целыми отделениями, появлялись в пьяном виде в общественных местах, в т. ч. в женских учебных заведениях. Тотальная деморализация, перераставшая в нигилизм и тягу к самоуничтожению, проявилась в эпидемии самоубийств, прокатившейся по кадетским корпусам в первой половине 1920-х гг. и породившей легенду о существовании в среде воспитанников «клуба самоубийц». На самом деле между отдельными суицидами не было прямой взаимосвязи. Общими были лишь жизненные обстоятельства, их породившие, а также своеобразный героико-романтический флёр, которым обычно окружены люди, безвременно ушедшие из жизни. Последнее обстоятельство было подмечено военными педагогами задолго до революции, когда атмосфера декаданса породила моду на самоубийства среди учащейся молодежи. В. А. Бернацкий еще в 1911 г. писал: «Торжественная обстановка похорон самоубийц — воспитанников военно-учебных заведений с отпеванием, музыкой и воинскими почестями, в присутствии всего личного состава заведения, окружает самоубийцу в

глазах товарищей ореолом геройства, и "геройский" поступок его способен вызвать подражание»¹⁴.

В качестве противовеса деструктивным явлениям выступали символы и ритуалы, поддерживавшие готовность к борьбе за восстановление дореволюционных порядков. В военно-учебных заведениях Русского Зарубежья хранились спасенные кадетами знамена старых корпусов. Так, реликвиями 1-го Русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса являлись два фрагмента знамени Владимирского Киевского корпуса, а знамя Симбирского корпуса было запрестольной иконой в церкви заведения. В 1929 г., после присоединения Крымского корпуса к 1-му Русскому, запрестольной иконой стало знамя Сумского корпуса. Бывшие питомцы дореволюционных корпусов бережно хранили свою форму и погоны, которые символизировали их связь с прошлым. Старые мундиры использовались лишь в особо торжественных случаях. Знаменщиком 1-го Русского корпуса являлся последний кадет Сумского корпуса Петр Генин, при выносе знамени облачавшийся в бережно хранимый черный мундир. Кроме того, воспитанники надевали старую форму на своих неофициальных собраниях.

Новый смысл обрела давняя традиция подчинения младших воспитанников старшим. Если до революции она была связана главным образом с противостоянием начальству, то в эмигрантских кадетских корпусах старшие кадеты по собственному почину взяли на себя заботу о своих младших товарищах, понимая, что офицеры, обремененные массой бытовых проблем и вынужденные зарабатывать себе на кусок хлеба черной работой, не в состоянии обеспечить должный контроль над кадетской массой. Поэтому «генерал выпуска» превратился из вожака корпорации двоечников и хулиганов в главного помощника директора, авторитет которого безоговорочно признавался не только воспитанниками, но и воспитателями и педагогами. Кадетское начальство гасило конфликты между учащимися, стремилось к налаживанию конструктивного взаимодействия между руководством, офицерами и учителями, с одной стороны, и кадетской массой, с другой, своим поведением подавало пример младшим. Определенную роль сыграло

¹⁴ *Бернацкий В. А.* Самоубийства среди воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1911. С. 49.

присутствие в Белой Церкви Николаевского кавалерийского училища, юнкера которого постепенно «отучили кадет от распущенности и неряшливого внешнего вида»¹⁵.

Сообразно этому изменились смысл и содержание «Звериады» — традиционной кадетской песни, в которой до революции в нецензурной форме высмеивались офицеры и преподаватели. Теперь она стала символом единения всех тех, кто был связан с эмигрантскими корпусами, кодексом правил поведения для воспитанников, напоминанием о необходимости продолжения борьбы за возрождение великой России, старой армии и системы военного образования:

«Войдем мы в град освобожденный
Под звон родных колоколов,
Увидим корпус возрожденный,
Родной приют увидим вновь»¹⁶.

В целом неофициальные кадетские традиции стали серьезнее и приобрели статус средства патриотического воспитания. Выпускник Донского корпуса Н. Н. Воробьев писал: «Останься мы на Родине, и почти с уверенностью можно сказать, что в соблюдении кадетских традиций (я говорю о ритуалах, о «звериаде», о «похоронах анатомии и всех наук» и прочем) главным элементом была бы милая озорная шутка, быть может иногда и не совсем цензурная... Теперь мы смотрели на это уже не как на мальчишеские выходки и веселую игру. Нет, что было для нас чем-то священным, чуть ли не олицетворявшим для нас далекую поработленную Родину»¹⁷. При передаче традиций следующему выпуску старый атаман говорил новому, что «традиции не побрякушки и не шутки подростков, а что они олицетворяют для нас связь с далекой Родиной»¹⁸. Вместе со «Звериадой» и символами власти традиционного кадетского начальства воспитанники нового выпуска получали жетоны, символизировавшие их связь с родным заведением и друг с другом.

¹⁵ Гурковский В. А. Крымский кадетский корпус. 1920–1929 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 162.

¹⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 87. Л. 3.

¹⁷ Кадетские корпуса за рубежом. 1920–1945. Нью-Йорк, 1970. С. 277, 290.

¹⁸ Там же. С. 288.

Такую же направленность обрели и традиционные кадетские парады: «Когда все кадеты были выстроены, появлялось традиционное начальство с атаманом во главе. Трубачи играли Атаманский встречный. Парады проходили в очень серьезной атмосфере, а речи атамана и товарища атамана были исполнены призывов хранить кадетские традиции и любить Родину. Все заканчивалось прохождением церемониальным маршем перед атаманом и традиционным начальством. Иногда после парада кадеты, окружив своего атамана, пели различные песни, начиная со Звериады...»¹⁹.

В педагогической практике кадетских корпусов Русского Зарубежья нашли широкое применение и такие символы, которые до революции практически не использовались. Так, по распоряжению директора 1-го Русского корпуса генерал-лейтенанта Б. В. Адамовича на стенах главного зала заведения были начертаны различные девизы: «Верны заветам старины», «Рассеяны, но не расторгнуты», «Один в поле и тот воин», «Храбрым — бессмертие», «Только та страна и сильна, которая свято чтит заветы родной старины», «Не в силе Бог, а в правде»²⁰. Эти девизы, ставшие элементом повседневной жизни кадет, являлись действенным средством поддержания в кадетах любви к утраченной Родине.

Наконец, именно в эмиграции кадеты разных корпусов сплотились в дружную семью. Соперничество и зависть, до революции приводившие к ссорам и многолетней вражде, уступили место согласию и солидарности. Кадеты понимали, что без дружеской взаимопомощи они не смогут сохранить и передать своим преемникам основы русской военной культуры. Бывший кадет-нижегородец А. Шавров в марте 1925 г. писал: «Старые кадеты постепенно сходят с жизненного пути; их святая обязанность — пока они еще живы — не только передать идущему за ними молодому поколению кадет кадетские традиции, но и суметь сделать их дорогими и священными, а это может быть достигнуто только при самом тесном единении между кадетами всех возрастов...»²¹. Девиз кадетского

¹⁹ Донской императора Александра III кадетский корпус. Воспоминания кадет Донского корпуса / Под ред. М. К. Бугураева. Мадрид, 1974. С. 157.

²⁰ *Забелин С. Н.* Кадетские корпуса за рубежом // Бомбардир. 1995. № 1. С. 88.

²¹ ГАРФ. Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 87. Л. 1 об.

единства был сформулирован полковником Б. Д. Приходкиным: «Погоны разные — душа одна».

Таким образом, символы Российской империи и ее военно-учебных заведений стали действенным средством демонстрации политических взглядов воспитанников, их сплочения в борьбе против новой власти, а затем объединения во имя физического, нравственного и культурного спасения в эмиграции. Этот процесс носил диалектически сложный характер, однако в нем, несмотря на деструктивное воздействие событий Революции 1917 года и Гражданской войны, в конце концов возобладало здоровое начало. Символическая связь русских военных эмигрантов с Российской империей сохранялась до того момента, когда они сумели передать военно-культурную эстафету кадетам Российской Федерации.

Источники и литература

- Айзов В.* Последние дни корпуса во Пскове // Досуг кадетско-псковича (на правах рукописи). Февраль 1957. Париж, 1957. С. 25–31.
- Бернацкий В. А.* Самоубийства среди воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1911.
- Голеевский Н.* Симбирский кадетский корпус до и в дни революции // Кадеты и юнкера в белой борьбе. М., 2003. С. 38–51.
- Горская (Переверзева) Н. С.* Воспоминания // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» имени А. И. Солженицына. Ф. 1. А-64.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6797. Оп. 1. Д. 87.
- Гурковский В. А.* Крымский кадетский корпус. 1920–1929 гг. // Вестник архивиста. 2010. № 2. С. 147–169.
- Гуторович Г.* Воронежский кадетский корпус с революции и до последних дней // Кадетская переключка. 1980. № 24. С. 54–60.
- Донской императора Александра III кадетский корпус. Воспоминания кадет Донского корпуса / под ред. М. К. Бугураева. Мадрид, 1974.
- Забелин С. Н.* Кадетские корпуса за рубежом // Бомбардир. 1995. № 1. С. 84–89.
- Кадетская песня // Кадетская переключка. 1974. № 9. С. 12–16.
- Кадетские корпуса за рубежом. 1920–1945. Нью-Йорк, 1970.

- Кадеты и юнкера. Кантонисты. А. Марков. Кадеты и юнкера; В. Н. Никитин. Многострадальные. М., 2001.
- Одесский Великого Князя Константина Константиновича кадетский корпус. 1899–1924. Нью-Йорк, 1974.
- Павлов Б. Конец 2-го Московского императора Николая I кадетского корпуса // Кадеты и юнкера в белой борьбе. М., 2003. С. 24–32.
- Сейфуллин В. В. Отношение к революции кадетов Хабаровского графа Муравьева-Амурского кадетского корпуса // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» имени А. И. Солженицына. Ф. 1. А-115.
- Терентьев В. Константиновское артиллерийское училище за время от первого выступления большевиков... // Архив Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» имени А. И. Солженицына. Ф. 1. Е-17.
- Черешнев В. Последний павлон // Первый кубанский (Ледяной) поход. М., 2001. С. 734–737.

Гребенкин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник (Академия ФСО России, Орел, Россия); эл. почта: angrebyonkin@mail.ru.

Symbols and rituals in the life of the Russian military school during the Civil War and emigrant dispersion

This article examines the influence of the events of Civil War and life in the emigration on the symbols and rituals of pupils of Russian military educational institutions. The author sought to show this process in its dialectical complexity and inconsistency.

The revolution of 1917, which deprived cadets and cadets first of the royal monograms and crowns on the shoulder straps, and then the shoulder straps themselves, military uniforms and banners, contributed to the fact that in the eyes of the pupils the value of the symbolic attributes of the old life increased many times. This forced teenagers and young men to defend the symbols of imperial Russia, which was disappearing into oblivion. The appearance of the symbols of the new government, on the contrary, caused a pronounced reaction of rejection. The Civil War contributed to the formation of a number of new traditions designed to serve as a reminder of combat episodes.

In the early 1920s, two divergent trends emerged in the cadet corps of Russian emigration, caused by the same cause – the loss of the Motherland. The first of them was the desire of the pupils to self-destruction and death. The total demoralization that resulted from the horrors of the Civil War

and refugee wanderings was reflected in behavioral stereotypes and rituals that turned rudeness, drunkenness, theft, violence and the desire for suicide into an integral part of the socio-cultural space of military educational institutions of Russian emigration. The second trend, on the contrary, combined the best official and unofficial symbols and rituals within the framework of an integral system of moral and patriotic education, which sought to preserve the national military culture on foreign soil and prevent refugees from dissolving into the local population.

As a result, the second trend prevailed, which contributed to the gradual improvement of the situation in the cadet corps and the further development of the traditions of Russian military education, including their symbolic component. Acting as a cementing force in relation to pupils and teachers, symbols and rituals made it possible to preserve the best achievements of the national military school and transfer them to the cadet corps revived in Russia in the early 1990s.

Key words: Russian Abroad, cadet corps, symbols, rituals, traditions.

Alexey Grebenkin, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher (Academy of the FSO of Russia, Orel, Russia); e-mail: angrebyonkin@mail.ru.

References

- Ajzov V. Poslednie dni korpusa vo Pskove // Dosug kadeta-pskovicha (na pravah rukopisi). Fevral' 1957. Parizh, 1957. S. 25–31.
- Bernackij V. A. Samoubijstva sredi vospitannikov voenno-uchebnyh zavedenij. SPb., 1911.
- Goleevskij N. Simbirskij kadetskij korpus do i v dni revoljucii // Kadety i junkera v beloj bor'be. M., 2003. S. 38–51.
- Gorskaja (Peverzeva) N. S. Vospominanija // Arhiv Biblioteki-fonda «Russkoe Zarubezh'e» imeni A. I. Solzhenicyna. F. 1. A-64.
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. R 6797. Op. 1. D. 87.
- Gurkovskij V. A. Krymskij kadetskij korpus. 1920–1929 gg. // Vestnik arhivista. 2010. № 2. S. 147–169.
- Gutorovich G. Voronezhskij kadetskij korpus s revoljucii i do poslednih dnei // Kadetskaja pereklichka. 1980. № 24. S. 54–60.
- Donskoj imperatora Aleksandra III kadetskij korpus. Vospominanija kadet Donskogo korpusa / pod red. M. K. Buguraeva. Madrid, 1974.
- Zabelin S. N. Kadetskie korpusa za rubezhom // Bombardir. 1995. № 1. S. 84–89.
- Kadetskaja pesnja // Kadetskaja pereklichka. 1974. № 9. S. 12–16.
- Kadetskie korpusa za rubezhom. 1920–1945. N'ju-Jork, 1970.
- Kadety i junkera. Kantonisty. A. Markov. Kadety i junkera; V. N. Nikitin. Mnogostradal'nye. M., 2001.
- Odesskij Velikogo Knjazja Konstantina Konstantinovicha kadetskij korpus. 1899–1924. N'ju-Jork, 1974.

- Pavlov B.* Konec 2-go Moskovskogo imperatora Nikolaja I kadetskogo korpUSA // Kadety i junkera v beloJ bor'be. M., 2003. S. 24–32.
- Sejfullin V. V.* Otnoshenie k revoljucii kadetov Habarovskogo grafa Murav'eva-Amurskogo kadetskogo korpUSA // Arhiv Biblioteki-fonda «Russkoe Zarubezh'e» imeni A. I. Solzhenicyna. F. 1. A-115.
- Terent'ev V.* Konstantinovskoe artillerijskoe uchilishhe za vremja ot pervogo vystuplenija bol'shevikov... // Arhiv Biblioteki-fonda «Russkoe Zarubezh'e» imeni A. I. Solzhenicyna. F. 1. E-17.
- Chereshnev V.* Poslednij pavlon // Pervyj kubanskij (Ledjanoj) pohod. M., 2001. S. 734–737.

Михалёв А. В.

ПАРТИЗАН КАК СИМВОЛ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ*

В представленной статье анализируется роль партизана как ключевого политического символа российского Дальнего Востока в системе политической идентификации населения этого региона. Символ партизана напрямую связан с историей многонациональных отрядов повстанцев, оказывавших вооруженное сопротивление японской и американской интервенции в регионе в начале 1920-х гг. Образ партизана в советское время был включен в систему коммеморации на государственном уровне, однако сегодня мы сталкиваемся лишь с «холодной памятью» о народной борьбе. Поэтому представленное исследование фокусируется на анализе сохранившегося в условиях постсоветских трансформаций мемориального материала о дальневосточных партизанах. В центре внимания находятся памятники, названия улиц, литература, музыка и фильмы. Исследование опирается и на материалы полевых исследований автора в столицах дальневосточных субъектов России.

Ключевые слова: Дальний Восток, партизаны, культурная память, символическая политика, коммеморация, идентичность.

Дальний Восток России — это огромное пространство от Байкала до Тихого океана. Сто лет назад его территория была охвачена Гражданской войной и подверглась интервенции. Память об этих событиях, продлившихся в ряде мест вплоть до середины 1920-х гг., находит свое выражение в историко-культурном ландшафте данного региона. Речь идет о символах партизанской борьбы, являющихся наиболее распространенными и по-прежнему актуальными. Напомним, что партизанские отряды, боровшиеся за Советскую власть на Дальнем Востоке, а зачастую и просто против японцев, представляли собой интернациональные боевые подразделения, командирами которых были русские, буряты, якуты, корейцы, китайцы.

* Статья публикуется по материалам доклада, прочитанного на конференции «Символическое измерение военных и политических конфликтов (зарождение, протекание, деэскалация)» (Пятое международные научные чтения «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии»), 14-15 декабря 2021 г., Санкт-Петербург.

Это исследование опирается на материалы визуальных наблюдений, осуществленных в ходе экспедиций по региону. Еще одним источником стали текстовые материалы, характеризующие историческую политику. Весь ландшафт от Улан-Удэ до Владивостока отмечен памятниками партизанам, Партизанскими улицами и проспектами, даже одним городом (Партизанск).

Дальневосточный партизан на протяжении все советского периода символизировал готовность дать отпор всем внешним врагам, претендовавшим на территориальную целостность восточных границ СССР. Именно партизан стал олицетворением «региона-крепости» как на уровне официальной коммеморации¹, так и в народном фольклоре. Его роль в культурной памяти, скрепляющей региональную идентичность, по сей день остается первостепенной. Это находит выражение в отсутствии попыток сноса мемориалов, изменения названий улиц, а также в сохранении ряда коммеморативных практик.

В представленной работе рассматривается трансформация культурной памяти о партизанах в политико-символическом пространстве Дальнего Востока. Мы анализируем изменения в постсоветской России канонического образа, заложенного в тексте А. А. Фадеева². Речь идет об отходе от канона и формировании новых смыслов, позволяющих сохранить важнейший символ, имплицитно объединяющий регион. Необходимо отметить, что память о партизанах носит травматический характер и зачастую связана с актами массового насилия. Важнейшим контекстом исследования стали современные внешнеполитические вызовы, с которыми сталкивается Дальний Восток. Это территориальные претензии Японии, усиление военного присутствия США на Тихом океане, а также глобальные проблемы, связанные с изменением климата и масштабными пожарами в тайге, — некий постмодернистский набор представлений, обостряющий «чувство тревоги» за малую Родину, а вслед за этим переосмысление памяти о партизанах. Наверняка контекст изучаемого явления может оказаться гораздо шире и включать другие факторы, влияющие на сохранение и переосмысление образа партизана.

¹ См. *Малинова О. Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // *Полития.* 2017. № 4 (87). С. 6–22.

² *Фадеев А. А.* Разгром. М., 2016.

В центре нашего внимания были только материалы, которые так или иначе характеризуют память или коммеморативных действия о партизанском движении на Дальнем Востоке России в период иностранной интервенции. В итоге источниковую базу исследования можно разделить на четыре крупных блока.

Первый блок — это материалы художественной литературы, начиная с классических произведений, входивших в школьную программу в СССР, таких как роман А. Фадеева «Разгром», а также книги региональных авторов и беллетризованные воспоминания участников событий Н. Колбина, Ю. Лясоты, В. Кина и многих других. Сюда же можно отнести песенно-поэтическое творчество, например, «Партизанский марш», более известный как песня «По долинам и по взгорьям». Сюда же можно отнести материалы фольклорного исследования «Песни дальневосточных партизан», изданного в Благовещенске в 1941 г.³ Созданные в советский период художественные образы обеспечивали функционирование так называемой «горячей памяти» в классификации Я. Ассмана⁴.

Второй блок — это мемориалы и памятные места, связанные с партизанской борьбой. Нужно отметить, что автор исследования ограничился только столицами субъектов Дальневосточного федерального округа при том, что множество памятников находится за их пределами. Сюда относятся мемориальные комплексы (Волочаевская панорама), памятники, памятные доски, названия улиц и населенных пунктов, сохранившиеся до современности указатели названий колхозов, такие как «Красный партизан» в Бурятии.

Третий блок — это сообщения в СМИ о коммеморациях, а также непосредственное участвующее наблюдение в коммеморативных практиках. Важно отметить, что большую роль в их поддержке играют видео, телепередачи и газетные заметки, фиксирующие системно повторяющиеся публичные акты символического характера, актуализирующие памятные события (торжества, дни скорби, дни воинской славы и так далее).

³ Крекотень П. Г. Песни дальневосточных партизан. Благовещенск, 1941.

⁴ Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Четвертый блок — это художественные фильмы и изобразительное искусство. О борьбе дальневосточных партизан было снято множество художественных фильмов. Более того, можно уверенно говорить, что все они представляют особый жанр, для которого характерна тема гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Среди них как довоенные фильмы, например, «Волочаевские дни» братьев Васильевых (1937 г.), так и более поздние, например, «Сергей Лазо» Александра Гордона (1968 г.) или «Сердце Бонивура» Марка Орлова (1969 г.).

Советский канон. В советской мемориальной культуре на протяжении длительного периода формировался мемориальный канон о партизанском движении. Колхозы, заводы и пионерские отряды носили название «Красный партизан». Издавалось большое количество художественной литературы и мемуаристики по теме партизанской борьбы. Дальний Восток был частью этой культуры. Практически в каждом городе был поставлен памятник местным командирам отрядов, а улицы носили названия в их честь. Канонические тексты изображали партизана в виде крестьянина в образе «бородатого инсургента», имеющего тесную связь с тайгой как с особым миром, недружелюбным для неукорененных людей.

Ключевым понятием, характеризующим красных партизан, является термин инсургент, то есть представитель гражданского населения, оказывающий вооруженное сопротивление властям. Именно этот образ нашел свое отражение в «Марше партизан»:

«Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход».

В данной ситуации большое значение имеет территориальная привязка, определяющая границы партизанской борьбы. Так, для Дальнего Востока естественной границей является Тихий океан. Как справедливо отмечал Карл Шмитт, партизан всегда теллуричен, то есть живет и действует на земле, которую считает своей. В этой связи слова «Марша партизан» символизируют борьбу за право устанавливать свою власть на территории, которую они считают своей⁵. В данной ситуации «атаманы и воеводы» как представители сил, помогавших ин-

⁵ Шмитт К. Теория партизана. М., 2007.

тервенции, перестают быть легитимными для населения региона. Главная задача партизанской борьбы, согласно песням дальневосточных партизан, не только в том, чтобы установить советскую власть, но прежде всего избавиться от иностранного военного присутствия. Поэтому для советского исторического нарратива важно было подчеркнуть, что Дальний Восток был освобожден силами рядовых местных жителей: рабочих и крестьян. В этом было отличие от регулярных армий белых, имевших поддержку из-за рубежа, и поэтому не обладавших агентностью, позволявшей выступать от имени региона. В том же «Марше партизан» мы встречаем иллюстрацию к сказанному:

«Чтобы выгнать интервентов
За рубеж родной страны
И не гнуть пред их агентом
Трудовой своей спины».

Место действия партизан — забайкальская или уссурийская тайга. Важно отметить, что это образ, сформированный в художественной литературе, поскольку партизанская борьба была в большей степени связана с населенными пунктами и железнодорожными узлами. Однако на уровне культурной памяти создалось устойчивое представление о партизанах как о «людях тайги», которая, в свою очередь, выступает в роли ресурсной базы (охота, рыбалка). При этом исторические партизаны имели поддержку в населенных пунктах, с которыми они были связаны.

Образ партизан был хорошо описан А. А. Фадеевым в романе «Разгром»: «Левинсон глубоко верил в то, что движет этими людьми не только чувство самосохранения, но и другой, не менее важный инстинкт, скрытый от поверхностного глаза, не осознанный даже большинством из них, по которому все, что приходится им переносить, даже смерть, оправдано своей конечной целью и без которого никто из них не пошел бы добровольно умирать в улахинской тайге. Но он знал также, что этот глубокий инстинкт живет в людях под спудом бесконечно маленьких, каждодневных, насущных потребностей и забот о своей — такой же маленькой, но живой — личности»⁶. Это произведение, ставшее классикой советской литературы, легло в основу канона памяти о партизанской борьбе на Дальнем Востоке. То есть исходя из тезиса Карла Шмитта о тел-

⁶ Фадеев А.А. Указ. соч. С. 56.

луричности мы можем сказать, что партизан стал символом региона, причем не абстрактным, а привязанным к местной и национальной специфике⁷. Например, в Бурятии память о партизанах в городском ландшафте полностью персонифицирована — именами командиров бурятских партизанских отрядов названы улицы Улан-Удэ.

Таким образом, советский исторический канон зафиксировал собирательный образ дальневосточного партизана. Важной составляющей этого образа была апелляция к интернациональному составу отрядов, в которые входили представители большинства народов, живущих в регионе. С другой стороны, социальный состав также имел большое значение. Рабочие и крестьяне находились в центре внимания литературного канона, однако участие профессиональных революционеров (приехавших из Москвы или Петрограда) выступало связующей нитью между народом на Дальнем Востоке и РСФСР. Напомним, что партизанская борьба велась в период существования буферного государства Дальневосточная Республика.

Разрыв коммеморативной традиции. После распада СССР и деконструкции советского метанарратива исчезла традиция локальной коммеморации партизанской борьбы на Дальнем Востоке. На смену героям партизанского движения пришли образы прежних «атаманов и воевод». На уровне школьных курсов краеведения и в рамках дней воинской славы память о партизанах оказалась невостребованной. В 1990-е гг. ветеранские организации Японии начали предпринимать попытки формирования «языка примирения»⁸. Японские мемориальные проекты, связанные с покаянием за преступления времен интервенции на какое-то время, вытеснили наследие героической борьбы народов Дальнего Востока. Многочисленные памятники партизанам и командирам отрядов оказались исключены из системы современной коммеморации. Традиции возложения цветов к памятникам, равно как и повествования об их подвигах, остались в советском прошлом.

Попытки формирования новой региональной идентичности не имели столь тщательно проработанного, почти

⁷ Шмитт К. Указ соч.

⁸ См. Михалев А. В. Память о японской интервенции на Дальнем Востоке России: три постсоветских нарратива // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 169-177.

адресного, образа коллективного прошлого, когда практически в каждом населенном пункте был свой борец с интервентами. И по сей день большинство памятников еще стоят на прежних постаментах, а улицы не переименованы. Все это свидетельствует о том, что память о партизанской борьбе перешла в формат «холодной памяти» в классификации Я. Ассмана⁹. Фактически такая память не востребована в современных политических процессах. Она существует в рамках сообщества профессиональных историков и не привлекает внимание общественности. Но в рамках советской традиции «горячей памяти» о борьбе за Дальний Восток коммеморация выполняла еще и функцию внешнеполитической репрезентации. Коммеморация закрепляла незыблемость границ, завоеванных в почти полувековой борьбе, а также память о травме интервенции на уровне отдельно взятого поселения.

Советская традиция коммеморации свидетельствовала и о цене победы в противостоянии мировых держав на Дальнем Востоке. Некоторые памятники были посвящены бойцам, павшим в сражениях с японскими и американскими интервентами. Перевод этой памяти в «холодный режим» привел к деактуализации роли Дальнего Востока в мировой политике XX века и к началу описания этого региона как периферии. Здесь же нужно отметить существенное сокращение в школьных курсах разделов по дальневосточной истории. При этом корейские внешнеполитические ведомства (речь идет и о Северной, и о Южной Корее) поддерживают коммеморативные практики на мемориалах корейским повстанцам, павшим в боях с японцами на территории российского Дальнего Востока в 1920-е гг.

Тема борьбы с интервентами, а вместе с ней и история партизанского движения стала вновь актуальной лишь в 2018 г. в связи со столетием начала интервенции. Начавшееся обсуждение в российских средствах массовой информации этой темы инициировало «войны памяти». Так, в 2018 г. «РИА Новости» была опубликована статья, содержащая исторические материалы о военных преступлениях американских солдат в ходе интервенции на Дальнем Востоке России. Этот материал был размещен 16 августа 2018 г. на странице Посольства России в США в «Фейсбук». В материале посольства указывались обстоятельства террора интервентов против партизан и граждан-

⁹ Ассман Я. Указ. соч. С. 72–73.

ского населения, поддерживавшего партизан. Также на этой странице была указана ссылка на историческую статью на дальневосточном интернет-ресурсе «Конкурент»¹⁰, в которой описывались обстоятельства партизанской борьбы в регионе: «Несколько раз американские солдаты появлялись в нашей деревне и каждый раз чинили аресты жителей, грабежи. Летом 1919 г. американские и японские каратели устроили публичную порку шомполами и нагайками крестьянина Павла Кузикова. Американский унтер-офицер стоял рядом и, улыбаясь, шелкал фотоаппаратом. Ивана Кравчука и еще трех парней из Владивостока заподозрили в связи с партизанами, их мучили несколько дней. Им вышибли зубы, отрубили языки»¹¹. В ответ на пост Посольства России в США на сайте Радио Свобода появилась статья, оправдывающая американское вторжение и выдвигающая встречное обвинение в «разогревании» советской пропаганды. Оправдывая действия американцев, автор Радио Свобода сообщил: «Неважно, что интервенция началась как операция против Германии и ее большевистских союзников, а не против России, которая в лице Белого движения оставалась на стороне Запада. Неважно, что война продолжалась еще около двух лет после того, как интервенты ушли из страны. История во всем этом вообще ни при чем. Важна установка: в бедах России виноваты прежде всего внешние враги. Поиск козлов отпущения, столь характерный для современных авторитарных режимов, может распространяться и на события, случившиеся сто лет назад»¹². Однако в этой статье полностью отсутствует упоминание о партизанском движении и о причинах его возникновения. Интересы местного населения, равно как и историческая локальная память, оказались вне внимания проамериканского автора.

¹⁰ *Дмитриев И.* Какие зверства чинили американские захватчики в Приморье // Konkurent.Ru [Электронный ресурс]: URL: <https://konkurent.ru/article/17102?fbclid=IwAR1OwNesVk7PtgADftfto4Wj6wsgMgH3Wvk08ueZ5fejPAf-OvFYiKwzfdW> (дата обращения: 13.12.2021).

¹¹ Оккупация по-американски. Сто лет назад армия США вторглась в Россию // РИА Новости [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20180815/1526527094.html> (дата обращения: 13.12.2021).

¹² *Шимов Я.* Американские «изверги». Посольство РФ в США отменило историческую дату // Радио свобода [Электронный ресурс]: URL: <https://www.svoboda.org/a/29439573.html> (дата обращения: 13.12.2021).

Именно борьба с интервенцией стала основным сюжетом в историческом нарративе о гражданской войне на Дальнем Востоке. На наш взгляд, именно в этом ключевое отличие дальневосточного мемориального нарратива от памяти на Юге России. Фактор внешней угрозы для богатого ресурсами региона стал основой региональной идентичности и связанной с ней памяти о травме интервенции, террора и грабежей.

В ходе «войн памяти» 2018–2019 гг. выявилась проблема отсутствия преемственности в коммеморации партизанского движения в регионе. Во многом мемориальный нарратив существенно утратил свое содержание за счет исключения истории повстанческого-партизанского движения в регионе. Это существенно сузило социальную базу поддержки позиции РФ, а вместе с тем и резонанс вокруг дискуссий о борьбе с интервенцией. Самый массовый образ советского периода оказался не востребован как политический символ, важный не только для полемики с «западными партнерами», но и для политики идентичности на местном уровне. Однако партизанская символика по-прежнему «сшивает» современный Дальний Восток России идеей общей судьбы¹³.

Дальний Восток России как политическое пространство маркирован множеством значимых для региональной идентичности символов. Одним из таких символов является «красный партизан». Этот сформированный в советский период образ, поддерживавшийся на протяжении всего времени существования СССР множественными коммеморативными практиками, сегодня оказался на периферии официальной истории. Во многом это связано с поиском примирения в рамках памяти о гражданской войне, с другой стороны, десоветизация 1990-х гг. тоже сыграла не последнюю роль в охлаждении интереса к этому образу.

Однако в условиях изменения геополитической обстановки в Азиатско-Тихоокеанском регионе в начале XXI в. память о партизанах приобретает все большее значение. В первую очередь это связано с территориальным спором с Японией об островах Курильской гряды и попытками пересмотра установленного регионально порядка. В этой ситуации па-

¹³ Михалев А. В. Трансформация системы политических символов на Дальнем Востоке России в XXI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 227–236.

мять о партизанском движении выступает важным фактором легитимизации сложившейся после Второй мировой войны геополитической конфигурации на Дальнем Востоке. Народная борьба с японскими интервентами и противостояние посягательствам на дальневосточные рубежи СССР – ключевыми сюжеты культурной памяти, объединяющей регион, составляющий более 40 % территории России.

Художественная литература, кино, мемориальные комплексы, песенный и устный фольклор – все это сформировало устойчивый образ партизана как борца за свободу Дальнего Востока от иностранных притязаний. Сегодня это наследие советского времени все еще сохранилось и может стать политической памятью, то есть памятью, способной мобилизовать и сплотить широкие массы населения. Партизанская тематика пронизывает названия улиц и населенных пунктов, что постоянно актуализирует не только память о победах, но и травматические воспоминания об интервенции. Это прежде всего травматическая память о терроре и реквизициях на занятых иностранными войсками территориях.

Сегодня в условиях «войн памяти» и попыток масштабных переоценок прошлого история партизанской борьбы, а главное языка ее описания, становится все более политически ангажированной. Только в России за данную тематику борется несколько мнемонических акторов, начиная с КППФ и заканчивая корейскими национально-культурными центрами. На наш взгляд, данная тематика на протяжении еще долгого времени будет в центре внимания различных политических сил, прежде всего, потому что отражает историю массового вооруженного сопротивления гражданского населения.

Источники

Дмитриев И. Какие зверства чинили американские захватчики в Приморье // Konkurent.Ru [Электронный ресурс]: URL: <https://konkurent.ru/article/17102?fbclid=IwAR1OwNesVk7PtgADftfto4Wj6wsgMgH3Wvk08ueZ5feJPAf-OvFYiKwzfDw> (дата обращения: 13.12.2021).

Крекотень П. Г. Песни дальневосточных партизан. Благовещенск, 1941.

Оккупация по-американски. Сто лет назад армия США вторглась в Россию // РИА Новости [Электронный ресурс]:

URL: <https://ria.ru/20180815/1526527094.html> (дата обращения: 13.12.2021).

Фадеев А. А. Разгром. М., 2016.

Шимов Я. Американские «изверги». Посольство РФ в США отметило историческую дату // Радио свобода [Электронный ресурс]: URL: <https://www.svoboda.org/a/29439573.html> (дата обращения: 13.12.2021).

Литература

Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Бляхер Л. Е. Региональная самоидентификация и трансграничные практики на Дальнем Востоке России // Пространственная экономика. 2005. № 1. С. 117–132.

Кошкин А., Плотников А, Зиланов В, Пономарев С. Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2015.

Малинова О. Ю. Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Полития. 2017. №4 (87). С. 6–22.

Михалев А. В. Память о японской интервенции на Дальнем Востоке России: три постсоветских нарратива // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2020. № 36. С. 169–177.

Михалев А. В. Трансформация системы политических символов на Дальнем Востоке России в XXI веке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 227–236.

Поцелуев С. П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 17–54.

Шмитт К. Теория партизана. М., 2007.

Михалёв Алексей Викторович, доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций (Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия); эл. почта: mihalew80@mail.ru.

Partisan as a Symbol of Russian Far East

The presented article analyzes the role of partisan as a key political symbol of the Russian Far East in the system of political identification of the region population. It is significant to note that the symbol of partisan is directly related to the history of the multinational rebel units that provided armed resistance to Japanese and American interventions in the region in the early 1920s. The image of the partisan in Soviet times was included into the system of commemoration at the state level, but today we are faced only with the "cold memory" of the people's struggle. Therefore, the article analyzes the memorial material of the Far Eastern partisans preserved in the conditions of post-Soviet transformations. The focus is on monuments, street names, literature, music and films. The study is also based on the materials of the author's field studies conducted in the capitals of the Far Eastern regions of Russia.

Key words: Far East, partisans, Cultural memory, symbolic policy, commemoration, identity.

Alexey Mikhalev, Doctor of Political Sciences, Director in Centre of Political Transformation Studies (Dorji Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia); e-mail: mihalew80@mail.ru.

References

- Assman Ja.* Kul'turnaja pamjat'. Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M., 2004.
- Bljaher L. E.* Regional'naja samoidentifikacija i transgranichnye praktiki na Dal'nem Vostoke Rossii // *Prostranstvennaja jekonomika*. 2005. № 1. S. 117-132.
- Koshkin A., Plotnikov A, Zilanov V, Ponomarev S.* Russkie Kurily. Istorija i sovremennost'. Sbornik dokumentov po istorii formirovanija russko-japonskoj i sovetsko-japonskoj granicy. M., 2015.
- Malinova O. Ju.* Kommemoracija istoricheskikh sobytij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza // *Politija*. 2017. №4 (87). S. 6-22.
- Mikhalev A. V.* Pamjat' o japonskoj intervencii na Dal'nem Vostoke Rossii: tri postsovetskih narrativa // *Dnevnik Altajskoj shkoly politicheskikh issledovanij*. 2020. № 36. S. 169-177.
- Mikhalev A. V.* Transformacija sistemy politicheskikh simvolov na Dal'nem Vostoke Rossii v XXI veke // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija*. 2021. T. 26. № 3. S. 227-236.
- Poceluev S. P.* «Simvolicheskaja politika»: k istorii koncepta // *Simvolicheskaja politika. Vyp. 1. Konstruirovanie predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs*. M., 2012. S. 17-54.
- Shmitt K.* Teorija partizana. M., 2007.

Сокращения

МИ Метаморфозы истории. Псков.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ научного альманаха «Метаморфозы истории»

Рукописи представляются в редколлегию альманаха в электронном виде. Набор текста осуществляется в текстовом редакторе Microsoft Word со следующими параметрами: шрифт — Times New Roman, междустрочный интервал — 1, размер шрифта — 14, все поля — 2 см, выравнивание — по ширине, абзацный отступ — 1,25 см. Файл с электронным вариантом рукописи должен иметь формат *.doc. Объем рукописи **не должен превышать** 1 авторского листа (40 000 знаков с пробелами). Иллюстрации выполняются в графических редакторах и представляются дополнительно к тексту рукописи в виде отдельных графических файлов форматов *.tif или *.jpg с разрешением не ниже 300x300 dpi.

Материалы для опубликования могут быть представлены в редколлегию журнала на русском и английском языках.

Адрес для отправки рукописей: metamist@mail.ru.

Вместе с текстом статьи в редакцию представляется **авторская справка**, в которой **обязательно** указываются: фамилия, имя, отчество (полностью), полное и краткое наименование организации, являющейся местом работы (для аспирантов — учебы) автора, должность, ученая степень, ученое звание, контактная информация (телефон, адрес электронной почты). Фамилия, имя, отчество автора приводятся **на русском и английском языках**.

Материалы, представляемые для опубликования, должны содержать шифр УДК, а также на русском и английском языках: заглавие; резюме (250–400 печатных знаков — на русском языке; **1600–1700 знаков — на английском языке**); ключевые слова (до 10 слов)).

Резюме на английском языке является **отдельным** (т. е. **не повторяющим** русскоязычное резюме) и **крайне важным** элементом статьи. Оно должно представлять собой **краткий реферат, ясно и достаточно полно передающий содержание статьи** для не владеющих русским языком читателей.

Ссылки на используемую литературу оформляются в виде **подстрочных ссылок** (примечаний) **в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008**. Размер шрифта — 10, интервал — 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ — 1 см. Точка и тире, разделяющие области библиографического описания, заменяются точкой (т. е. **тире не ставится**); издательство, объем работы в страницах **не указываются**. При ссылке на конкретные страницы работы указываются их номера. Фамилия и инициалы автора выделяются курсивом. Например:

¹ *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 27–29.

При ссылке на публикацию в сборнике, журнале и т. п. **указываются** номера первой и последней страниц публикации, либо конкретные страницы, на которые делается ссылка. Например:

² *Корявко В. И.* Эволюция форм применения объединений ВМФ // Военная мысль. 2006. № 4. С. 64–67.

³ *Корявко В. И.* Указ. соч. С. 64.

⁴ Там же. С. 66.

Пример ссылки на Интернет-ресурс:

⁵ *Ермолова И. Е.* Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. 2001. № 4. [Электронный ресурс:] URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml#_ednref19 (дата обращения: 28.05.2012).

Пример ссылки на архивный документ:

¹ Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. 12. Оп. 7. Д. 29. Л. 3.

² ГАПО. Ф. 10. Оп. 3. Д. 23. Л. 7, 7 об.

Ссылки на сочинения древних и средневековых авторов помещаются в тексте статьи в круглых скобках с сокращением имени автора и названия сочинения по общепринятым правилам, указанием номера книги римскими цифрами, главы и параграфа – арабскими. Например: (*Arrian. Anab.* II.3.2, 4.2–3; III.1.2; *Greg. Tur. Hist. Franc.* III.2; *Nerod.* III.51).

При использовании иллюстраций **обязательно** приводятся ссылки на их источники.

Слова «век», «века», «год», «годы», наименования мер длины, массы и т. п., числительные («тысяча», «миллион», «миллиард» и т. д.) **сокращаются** («в.», «вв.», «г.», «гг.», «м», «км», «кг», «т», «тыс.», «млн», «млрд» и т. д.).

В конце статьи приводится составленный в алфавитном порядке список использованных источников и литературы, куда включаются все публикации, на которые имеются ссылки в тексте. Список оформляется по тем же правилам, что и ссылки; размер шрифта – 14. Все слова, кроме артиклей и предлогов, в названиях работ на английском языке пишутся с заглавной буквы.

К статье отдельным файлом **обязательно** прилагается список использованных сокращений:

НИИ – Новая и новейшая история. М.

RE – *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa.* Stuttgart.

Рукописи рецензируются. По итогам рецензирования редколлегия имеет право вернуть рукопись автору для доработки либо отказать в принятии ее к публикации в случае несоответствия профилю журнала или недостаточно высокого научного уровня.

Направляя статью для опубликования в альманахе «Метаморфозы истории», автор тем самым:

1) гарантирует, что представленная статья ранее не была опубликована, и он действительно является ее автором;

2) выражает согласие на размещение электронной копии статьи в открытом доступе в сети Интернет.

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых в публикациях фактов, цифр, цитат, библиографических описаний, статистических данных, имен собственных и прочих сведений.

ПРИМЕР оформления рукописи статьи

УДК 94(5)

И. И. Иванов

РОССИЯ И ЛИГА АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

На современном этапе отношения Российской Федерации (РФ) и Лиги арабских государств (ЛАГ) характеризуются рядом новых тенденций. В статье рассмотрены экономические и политические аспекты взаимоотношений России и ЛАГ в начале XXI в. Отдельное внимание уделено проблеме глобализации.

Ключевые слова: Россия, Лига арабских государств, глобализация, экономика, политика.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи. Текст статьи.

Источники

Herodoti Historiarum libri IX / Ed. H. R. Dietsch. Ed. altera, stereotypa. Lipsiae, 1903. Vol. 2.

Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / Пер., примеч. и послесл. С. И. Раддига. 3-е изд., испр. М., 2007.

Литература

Гаврилов В. П., Ивановский С. И. Общество и природная среда. М., 2006.

Ермолова И. Е. Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. 2001. № 4. URL: http://www.nivestnik.ru/2001_2/3.shtml#_ednref19/ (дата обращения: 28.05.2012).

Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. Р. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // ИНИ. 1985. № 3. С. 42–54.

Frye R. N. The History of Ancient Iran. München, 1984.

Ivan I. Ivanov

Russia and the League of Arab States

At the present stage the relationship of Russian Federation (RF) and the League of Arab States (LAS), or Arab League, is characterized by a number of new trends. The article describes the economic and political aspects of relations between Russia and the Arab League at the beginning of XXI century. A special attention is paid to the process of globalization.

Key words: Russia, the Arab League, globalization, economics, politics.

GUIDELINES

for contributors of “Metamorphoses of History”

This guide describes how to prepare contributions for submission. We recommend you read this in full if you have not previously submitted a contribution to “**Metamorphoses of History**”. Papers must be submitted to the editorial board in the form of electronic documents prepared in Microsoft Word with the following parameters:

Font and Spacing: the usual font for “**Metamorphoses of History**” is Times New Roman and the size is always 14-pt. Single space your paper.

Margins: the standard margin size is 2 cm for all four sides. Text should be justified, indented 1.25 cm.

Please save Word documents using the file extension doc. Instructions to do this are as follows:

Select the Office button in the upper-left corner of the Word 2007 window and choose “Save As”;

Select “Word 97 – 2003 Document”;

Enter a file name and select “Save”.

The paper should not exceed 1 author’s sheet (40000 characters with spaces). Illustrations and figures must be presented as **separate** graphic files of *.tif or *.jpg format with a resolution not lower than 300x300 dpi.

Papers for publication may be submitted to the editorial board in English or in Russian.

Address for submission of manuscripts: **metamist@mail.ru**.

All papers are published in the almanac without any charges.

Please fill out and submit your **Author Information** which must include: first name, middle name, surname; contact information (telephone number and e-mail address) and **Author Affiliation:** include department, institution (full and short titles of the place of work), position, academic degree, academic rank. Graduate students should give the name of their university.

Contribution for publication should include its **title**, **abstract** (300–500 characters, spaced), **key words** (up to 10 words or terms).

References in the text of the article should be given as **footnotes**. The usual font is Times New Roman and the size is 10-pt, single-spaced, justified, indented 1 cm, the author's name should be given in italics. For example:

¹ *Sykes P.* A History of Persia. Vol. 1. London, 1921. P. 19–21.

² *Sykes P.* Op. cit. P. 19–20.

³ *Ibid.* P. 117.

When referring to an article in a book, a magazine, etc., the numbers of the first and last pages of the publication or specific pages to which a reference is made **must be indicated**. For example:

⁴ *Mommsen Th.* Ammians Geographica // Hermes. 1881. Bd. 16. S. 602–636.

⁵ *Drijvers J. W.* Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History // The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. London; New York, 1999. P. 193–206.

⁶ *Mommsen Th.* Op. cit. S. 635.

⁷ *Drijvers J. W.* Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History. P. 203.

References to the works of Classical and Medieval authors are placed in the text in parentheses with the abbreviations of the name of the author and the title of works according to common rules, specifying the number of the book in Roman numerals, whereas chapters and sections are given in Arabic. For example: (Arrian. *Anab.* II.3.2, 4.2–3; III.1.2; Oros. III.16.12; Greg. Tur. *Hist. Franc.* III.2; IV.1–3).

When using illustrations links to their sources **should be given**.

The contribution must be supplied with the **list of used primary sources and secondary sources** (books, articles) in alphabetical order, which includes all the publications, which are referred to in the text.

A separate file with the list of abbreviations is required. For example:

CQ – The Classical Quarterly. Oxford.

DOP – Dumbarton Oaks Papers. Washington (D.C.).

Papers are evaluated by means of peer review. The paper may be accepted for publication without any further changes required from the authors, or it may be accepted for publication in principle once the authors have made some revisions in response to the referees' comments, the paper can be rejected with no offer to reconsider a submitted version, if it doesn't correspond to subject area of this almanac or does not report original scientific research and is of no scientific importance.

Authors are responsible for the accuracy of facts, figures, citations, statistic data, proper names and any other information.

An example of formatting a paper is **given below**.

John J. Johnson

**RUSSIA AND THE LEAGUE OF ARAB STATES
AT THE MODERN STAGE**

At the present time the relationship of the Russian Federation (RF) and the League of Arab States (LAS), or Arab League, is characterized by a number of new trends. The article describes economic and political aspects of relations between Russia and the Arab League at the beginning of the XXI century. A special attention is paid to the process of globalization.

Key words: Russia, the Arab League, globalization, economics, politics.

The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article.

The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article. The text of the article.

Primary sources

Herodoti Historiarum libri IX / Ed. H. R. Dietsch; cur. H. Kallenberg. Ed. altera, stereotypa. Lipsiae, 1903. Vol. 2.

Dionis Cassii Cocceiani Historia Romana. Vol. 4 / Cum annot. L. Dindorfii. Lipsiae, 1864.

Secondary sources

Brunt P. A. Persian Accounts of Alexander's Campaigns // CQ. 1962. Vol. 12 (56). P. 141-155.

Cameron A. Agathias on the Sassanians // DOP. 1969-1970. № 23/24. P. 67-183.

Drijvers J. W. Ammianus Marcellinus' Image of Arsaces and Early Parthian History // The Late Roman World and its Historian: Interpreting Ammianus Marcellinus. London; New York, 1999. P. 193-206.

Bacevich A. The New American Militarism. Oxford; New York, 2005.

Научное издание

МЕТАМОРФОЗЫ ИСТОРИИ
Metamorphoses of History

Научный альманах
Scientific Almanac

Выпуск 21
Issue 21

*На первой странице обложки: Эдип разгадывает загадку Сфинкса.
Изображение на античной вазе
(Кун Н. А. Легенды и мифы Древней Греции. М., 1954. С. 421).*

Технические редакторы: Д. В. Михеев
Компьютерная верстка: Н. А. Васильева

Подписано в печать 20.12.2021. Формат 60×90/16.
Гарнитура Book Antiqua. Объем издания усл. п. л. 5,875.
Тираж 100. Заказ № 6024.

Отпечатано на Versant 2100.

Адрес издательства:
180000, Россия, г. Псков, ул. Л. Толстого, д. 4^а, корп. 3^а.
Псковский государственный университет